

Крымский научный вестник

krvestnik.ru

№ 2 (23), 2019

**Электронный научный журнал
Крымский научный вестник**

№ 2 (23), 2019 г.

Все статьи, публикуемые в журнале, рецензируются членами редакционного совета, а также другими ведущими учеными.

В журнале рассматриваются результаты научных исследований в области экономических, юридических и педагогических наук.

Авторами статей являются ведущие специалисты современного научного знания, преподаватели ВУЗов, аспиранты и научные работники.

Журнал ориентирован на широкий круг ученых, специалистов-практиков, студентов, магистрантов и преподавателей, участвующих в научно-исследовательской работе.

Мнение авторов может не совпадать с мнением редакции.

Главный редактор — **Юлиана Владимировна Соловьёва**, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры национальной экономики Российского университета дружбы народов.

Учредитель и издатель: **ООО «Межрегиональный институт развития территорий»**, Ялта, Республика Крым.

Журнал издается с мая 2015 года.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации: ЭЛ № ФС 77-61683 от 07.05.2015 (СМИ — «сетевое издание»).

Журнал включен в крупнейшие международные базы данных, системы цитирования и библиографические системы, охватывающие мировой поток продолжающихся и периодических научных изданий: ПИНЦ, GoogleScholar, DOAJ, OAJI, SHEPRA/ROMEO, SIS, ResearchBib, CiteFactor, UlrichsWeb, ESJI, AcademicKeys.

Периодичность: 4 раза в год.

Выпуски журнала размещаются на сайте <http://krvestnik.ru>

E-mail редакции: red@krvestnik.ru

Редакционный совет

Азарян Елена Михайловна — доктор экономических наук, профессор, проректор по научной работе ГО ВПО «Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского»

Люй Хуэй (Lyuì Khuei) — д-р ист. наук, декан факультета русского языка института иностранных языков Хайнаньского государственного университета г. Хайкоу, провинция Хайнань, Китай

Никонович Сергей Леонидович — д-р юрид. наук, доцент, директор ООП «Юриспруденция» Высшей школы бизнеса, менеджмента и права ФГБОУ ВО «Российский государственный университет туризма и сервиса»

Новоселов Сергей Николаевич — д-р экон. наук, доктор сельскохозяйственных наук, профессор директор института экономики и управления в пищевой отрасли МГУПП, заведующий кафедрой «Экономика и управление в пищевой отрасли» МГУПП.

Петунин Олег Викторович — д-р пед. наук, профессор ГОУ ДПО (ПК) С «Кузбасский региональный институт повышения квалификации и переподготовки работников образования»

Печеная Людмила Тимофеевна — д-р экон. наук, профессор кафедры «Экономик труда и управления» РЭУ имени Г.В. Плеханова

Сейдаметова Зарема Сейдалиевна — д-р пед. наук, профессор, зав. кафедрой прикладной информатики Крымского инженерно-педагогического университета, г. Симферополь

Чудновский Владимир Михайлович — д-р биол. наук, канд. физ.-мат. наук, заведующий лабораторией биофизики Тихоокеанского океанологического института им. В. И. Ильичева Дальневосточного отделения РАН

Шарихин Александр Егорович — д-р юрид. наук, старший советник юстиции, профессор кафедры судостроительства и организации правоохранительной деятельности Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации

Гружевский Валерий Алексеевич — канд. пед. наук, доцент, Крымский университет культуры искусства и туризма, г. Симферополь

Записная Татьяна Валерьевна — канд. юрид. наук, доцент кафедры «Публично-правовые дисциплины» Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) имени М. И. Платова

Исламова Эльнара Рафисовна — канд. юрид. наук, доцент Санкт-Петербургского юридического института (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург

Малышенко Константин Анатольевич — канд. экон. наук, доцент, Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского» в г. Ялте

Рындач Марина Алексеевна — канд. экон. наук, доцент кафедры менеджмента и туристического бизнеса, руководитель образовательной программы направления подготовки «Туризм» Института экономики и управления гуманитарно-педагогической академии (филиал) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»

Селиванов Виктор Вениаминович — канд. экон. наук, доцент кафедры Менеджмента и туристического бизнеса Гуманитарно-педагогической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского» (филиал в г. Ялте); академик транспортной академии Украины, «Заслуженный работник транспорта АРК»

Толкачева Светлана Владимировна — канд. экон. наук, доцент кафедры «Экономика и управление в пищевой отрасли» МГУПП

Штофер Геннадий Аркадьевич — канд. экон. наук, доцент, кафедра экономики предприятия Института экономики и управления ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»

Содержание

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

И. И. Дерен, Л. В. Лазарева Контрольная функция за нормотворческой деятельностью муниципальных общественных палат	4
И. В. Пикин, Д. Л. Ильин, Д. Т. Гаджиев Охрана жизни и здоровья сотрудников мест лишения свободы и содержания под стражей от преступных посягательств в дореволюционный период	13
О. Л. Журба, Д. Г. Филоненко Проблемы формирования института уголовного преследования по делам частного обвинения на современном этапе развития уголовного процесса	19
Н. А. Аблятипова, А. А. Кравцова Таргетированная реклама: гражданско-правовой аспект	24
Т. В. Петкевич Теории, предпосылки и перспективы отнесения электронного документа к доказательствам в уголовном судопроизводстве	31
Ю. С. Танечник Сравнительный анализ правового института присяжных заседателей	36
А. А. Ратанов К вопросу усовершенствования законодательства меры пресечения в виде запрета определенных действий	40

Content

JURIDICAL SCIENCES

I.I. Deren, L.V. Lazareva Control function behind rule-making activity of municipal public chambers	4
I.V. Pikin, D.L. Ilyin, D.T. Gadzhiev Protection of life and health of employees of places of deprivation of liberty from criminal attacks in the pre-revolutionary period	13
O.L. Zhurba, D.G. Filonenko Problems of the formation of the criminal proceedings institution on private prosecution cases at the present stage of criminal procedure development	19
N. A. Ablyatipova, A. A. Kravtsova Targeted advertising: civil legal aspect	24
T.V. Petkevich Theory, background and perspectives the classification of the electronic document to evidence in criminal proceedings	31
J. S. Tanechnik Comparative analysis of the legal institute of the junctional meeters	36
A.A. Ratanov To the question of improvement of the legislation of a preventive measure in the form of prohibition of certain actions	40

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ / JURIDICAL SCIENCES

УДК: 342.553

DOI: 10.24411/2412-1657-2018-10039

**КОНТРОЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ ЗА НОРМОТВОРЧЕСКОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ПАЛАТ****И. И. Дерен, Л. В. Лазарева**

В статье рассматривается контрольная функция общественных палат за нормотворческой деятельностью на примере муниципальных образований. Предметом исследования являются правовые нормы и теоретические положения, регламентирующие деятельность общественных палат на муниципальном уровне, а также комплекс закономерностей и проблемных ситуаций, возникающих при осуществлении контрольной функции, требующих научного разрешения. Показано, что действующее законодательство в недостаточной мере осуществляет нормативно-правовое регулирование деятельности муниципальных общественных палат. Анализируя различные формы общественного контроля, обращается внимание на проведение общественной экспертизы законопроектов на муниципальном уровне. Отмечаются недостатки практического характера, констатируется аргументированный вывод о перспективных направлениях функционирования общественных палат.

Исследуя порядок проведения общественных экспертиз, формулируется вывод о том, что контрольная функция за нормотворческой деятельностью на муниципальном уровне находится еще на стадии становления и формирования.

Теоретические выводы, сформулированные в статье, служат основанием для дальнейшего исследования контрольной функции за нормотворческой деятельностью муниципальных общественных палат, а также могут быть использованы в правотворчестве при совершенствовании законодательства, регламентирующего вопросы деятельности общественных палат.

Ключевые слова: *контрольная функция, нормотворческая деятельность; общественный контроль, Общественная палата, общественная экспертиза.*

Контрольная функция общественных организаций за нормотворческой деятельностью тесно взаимосвязана с законодательной инициативой на федеральном, региональном и муниципальном уровнях.

Дерен Иванна Ивановна — д.э.н., доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Владимирский юридический институт ФСИН России

Лазарева Лариса Владимировна — д.ю.н., профессор кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики, Владимирский юридический институт ФСИН России; профессор кафедры «Уголовно-правовых дисциплин» юридического института, Владимирский государственный Университет имени А. Г. и Н. Г. Столетовых

Право на законодательную инициативу является определенным видом права на нормотворческую инициативу. При этом разнообразие форм нормотворческой инициативы всецело зависит от видов нормотворчества. Например, нормотворческая инициатива субъектов Российской Федерации и муниципальных органов власти может быть выражена в форме концепций нормативных правовых актов, различных предложений об их принятии, изменениях либо отмене.

На начало 2018 г. в Российской Федерации действует 1281117 нормативных правовых актов субъектов Федерации. За семь лет федеральный регистр пополнился на 748 тысяч нормативных правовых актов [1, с. 5].

В современных условиях от качества нормативных правовых актов зависит очень многое. Четкое, недвусмысленное и непротиворечивое содержание правовых норм, закрепленных в нормативных правовых актах, определяет эффективную правоприменительную практику, основанную в числе прочего на антикоррупционном поведении субъектов различных правоотношений.

В этой связи эффективность нормотворческого процесса, при осуществлении которого возникает необходимый правовой материал, его прозрачность, обеспечивающая доступ всех заинтересованных лиц к процессу издания правовых актов, выступает одним из основных условий противодействия коррупции.

На местном уровне представительную власть осуществляет представительный орган муниципального образования. Процесс принятия представительным органом муниципального образования нормативных правовых актов предельно четко регламентирован. Говоря о нормотворческом процессе, реализуемом в представительном органе, прежде всего, необходимо определить основные его этапы. В настоящее время выделяются следующие основные этапы нормотворческой деятельности представительного органа муниципального образования:

- 1) планирование нормотворческой деятельности;
- 2) разработка и оформление проекта муниципального правового акта;
- 3) направление проекта муниципального правового акта на заключение главе местной администрации в случаях, предусмотренных Федеральным законом «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и уставом муниципального образования;
- 4) официальное внесение проекта муниципального правового акта на рассмотрение представительного органа;
- 5) предварительное обсуждение проекта в форме его открытого обсуждения посредством публичных слушаний в установленных случаях [2], а также обсуждения проектов через средства массовой информации, рассмотрение проекта на заседаниях рабочих групп, постоянных комитетов (комиссий) представительного органа муниципального образования, подготовка проекта к рассмотрению на заседании представительного органа муниципального образования;
- 6) рассмотрение проекта и принятие представительным органом муниципального образования нормативного правового акта;
- 7) обнародование и вступление в силу нормативного правового акта представительного органа муниципального образования.

Вся нормотворческая работа представительного органа муниципального образования должна строиться, как правило, на плановой основе.

Если говорить о муниципальном нормотворчестве, то в пример можно привести Общественную палату г. Владимира и ее представителей, которые разрабатывают новые проекты. В результате такой деятельности на муниципальном уровне г. Владимира создано множество нормативно-правовых актов во благо обществу.

В регионах ведущей площадкой общественно-государственного диалога становятся общественные палаты.

Общественные палаты существуют в первую очередь для того, чтобы обеспечивать взаимодействие отдельных граждан и их объединений с органами власти. Сегодня эти институты также участвуют в экспертизе законопроектов, осуществляют общественный контроль, участвуют в формировании региональных общественных советов. В некоторых субъектах Федерации общественные палаты наделены правом законодательной инициативы.

С начала выстраивания системы общественных палат в регионах прошло около десяти лет, за это время большинство палат нашли свое место в публичном пространстве регионов. С начала 2017 года вступил в силу новый Федеральный закон [3]. Высказывались опасения, что в результате его принятия деятельность общественных палат может принять унифицированный и однообразный характер. На деле экспертные опросы, проведенные Общественной палатой Российской Федерации в 2018 году, показали, что палаты в регионах заметно разнятся по приоритетам своей деятельности. В некоторых регионах на площадке палаты удастся реализовать интересные инициативы, опыт которых применим и в других регионах. К примеру, Общественная палата Кировской области наиболее активна в сфере общественного контроля, постоянно работает рабочая группа по контролю в сфере дорожного строительства, в которую вошли представители общественности и опорного вуза. Другой пример — на площадке Общественной палаты Ульяновской области конкретные проблемы местной жизни рассматриваются на еженедельных совещаниях с участием общественников, экспертов, представителей муниципальных и региональных властей. В Вологодской области местная Палата курирует деятельность муниципальных палат. Но в некоторых регионах участники опросов не смогли назвать ни одной значимой инициативы и проекта региональной палаты, не всем палатам удалось закрепить за собой статус площадок, где активные граждане имеют возможность достучаться до власти.

По данным ежегодного опроса, проводимого Общественной палатой Российской Федерации на форуме «Сообщество», число сотрудников НКО и гражданских активистов, которые в той или иной форме участвуют в работе региональных общественных палат, постепенно растет, но большинство представителей третьего сектора не взаимодействуют с палатами в регионах. Участники форумов, которые уже имеют опыт взаимодействия с общественными палатами, в большинстве оценивают его положительно.

В 2018 году Общественная палата Российской Федерации провела опрос «Информационное сопровождение деятельности общественных палат субъектов Российской Федерации», в котором приняли участие члены региональных общественных палат. Главным источником сведений о деятельности региональных палат респонденты

назвали официальные сайты, гораздо реже задействованы социальные сети, только 21,3% опрошенных полагают, что палату в регионе знают хорошо. Общественные палаты регионов не всегда информационно активны.

С 2015 года Общественная палата Российской Федерации проводит отдельный мониторинг открытости и прозрачности сайтов региональных общественных палат. В целом оснащенность сайтов повышается, с 58 из них можно напрямую отправить обращение. В то же время, многие сайты не имеют раздела «Анонсы», только на 27 сайтах есть специальный раздел, посвященный экспертизе законопроектов (на сайтах трех палат раздел вообще не заполняется), а проекты направленных в органы власти заключений есть на 15 сайтах.

Авторитетность общественной палаты во многом зависит от позиции регионального руководства — без участия власти смысл диалога выхолащивается. Региональным властям подчас не хватает культуры такого диалога, это ведет к опасному разрыву с активистами гражданского общества. С одной стороны, чиновники побаиваются активистов, с другой стороны, активисты с недоверием относятся к власти. Для того чтобы форсировать диалог активных горожан и властей на площадке региональных палат, сокращать дистанцию между бюрократией и гражданскими активистами, можно сказать, принудить чиновников к взаимодействию с общественниками, Общественная палата Российской Федерации в 2017 году инициировала проект. В рамках проекта организуются дискуссионные площадки с участием активистов, власти, средств массовой информации и предпринимателей. Проводятся уличные опросы, для определения «народной повестки» городов и предъявления этой повестки чиновникам и активистам. В 2018 году проект охватил 11 регионов (всего за 2017–2018 года — 15 регионов).

Пrestиж общественной палаты строится благодаря конкретным реализованным проектам, освещению деятельности палаты в СМИ, четкой позиции по резонансным вопросам местной повестки, а главное, благодаря тем, кто входит в состав палаты, кто из лидеров общественного мнения там. Во многих палатах заседают люди, пришедшие, скорее, за статусом и не имеющие отношения к третьему сектору (в основном предприниматели, директора крупных предприятий, бывшие госслужащие). При этом активные общественники оказываются просто вне поля зрения региональной общественной палаты, реализуют свои проекты без всякого участия палаты. Почти в каждом регионе есть хотя бы несколько человек, чья деятельность хорошо заметна.

Такие активисты могут сыграть позитивную роль и привнести новое в деятельность общественных палат. Как было отмечено в Докладе Общественной палаты Российской Федерации за 2017 год, одним из путей укрепления самостоятельности общественных палат в регионах может стать условие, если Общественная палата получит возможность рекомендовать двух-трех человек для того, чтобы они вошли в состав региональной общественной палаты, — это будет полезно как для регионов, так и для гражданского общества в целом [4].

Кроме того, активность палаты напрямую зависит от финансирования. Даже для организации заседаний, тем более мероприятий общественного контроля — не говоря о более масштабных проектах, — нужна определенная материальная база. Если говорить об общественной экспертизе — нужно привлекать квалифицированных экспертов. Речь

идет о небольших средствах, необходимых для рабочего процесса. Но до настоящего времени правовая норма о бюджетном финансировании общественных палат субъектов Российской Федерации отсутствует. Ее закрепление будет способствовать независимости и продуктивности работы общественных палат.

Для того чтобы форсировать диалог активных горожан и властей на площадке региональных палат, сокращать дистанцию между бюрократией и гражданскими активистами, можно сказать, принудить чиновников к взаимодействию с общественниками, Общественная палата Российской Федерации в 2017 году инициировала новые проекты по взаимодействию между ними.

Во многих регионах активно развиваются муниципальные общественные палаты (советы). Эти диалоговые площадки наиболее приближены к населению, на них обсуждаются вопросы, прямо касающиеся жителей, поэтому нередко люди более живо вовлекаются в эту работу. При этом деятельность таких палат законодательно слабо регламентирована, а порядок формирования в региональных законах, как правило, не прописан. Для предметного обсуждения перспектив развития муниципальных общественных палат на форуме «Сообщество» в Калининграде была организована специальная секция. Ее участники, большинство которых составили как раз муниципальные общественники, обратились к членам Общественной палаты Российской Федерации с просьбой инициировать принятие федерального нормативного правового акта или модельного положения о порядке формирования и деятельности муниципальных общественных палат и советов. Кроме того, они высказались за разработку системы рейтинговой оценки деятельности общественных советов всех уровней, что обеспечит верное целеполагание, тиражирование лучших практик, повышение внимания к деятельности общественных советов.

В рамках подготовки к форуму «Сообщество» был проведен первый конкурс муниципальных общественных палат (советов) Северо-Западного федерального округа. Удалось выявить заслуживающие внимания проекты.

Нельзя не заметить, что часто отсутствует взаимодействие региональных и муниципальных общественных палат. Показательно, что на сайтах региональных палат нередко нет сведений о палатах в муниципальных образованиях.

В то же время муниципалитеты возлагают на Общественную палату создание новых гражданских инициатив, экспертизы проектов решений, глубокой аналитики, профессиональной дискуссии по разным вопросам городской жизни.

Как показывает анализ общественного мнения, горожане рассчитывают, что Общественная палата станет не только совещательным органом, но и конструктивным оппонентом исполнительной и законодательной власти [5].

Действительно, сегодня у гражданского общества есть реальные возможности доводить свои идеи до логического завершения, участвовать в законодательной работе, открыто озвучивать самые сложные проблемы в масштабах всего города, инициировать муниципальные программы, выходить на уровень региона.

Общественные палаты на региональном уровне являются источником свежих идей и позитивного влияния на власть и на городское сообщество, а также направляющей и координирующей общественной силой, а для этого деятельность палаты должна быть

открытой и понятной всем горожанам. Люди должны знать о мероприятиях, проводимых Общественной палатой на муниципальном уровне.

Деятельность Общественных палат на муниципальном уровне основывается на принципах законности, добровольности участия, равноправия, гласности, открытости и самоуправления.

Рассмотрим цели и задачи Общественной палаты.

Общественная палата призвана обеспечить согласование общественно значимых интересов граждан Российской Федерации, проживающих на территории муниципального образования, общественных некоммерческих организаций, органов местного самоуправления муниципального образования для решения наиболее важных для населения вопросов местного значения, защиты прав и свобод граждан и демократических принципов развития гражданского общества путем мероприятий, среди которых можно выделить следующие:

- 1) привлечения граждан, общественных объединений, общественных некоммерческих организаций к взаимодействию с органами местного самоуправления;
- 2) выдвижения и поддержки гражданских инициатив, имеющих общегородское значение и направленных на реализацию конституционных прав, свобод и законных интересов граждан и некоммерческих организаций;
- 3) проведения общественной экспертизы проектов муниципальных нормативных правовых актов.

Члены Общественной палаты вправе свободно высказывать свое мнение по любому вопросу деятельности Общественной палаты, Совета Общественной палаты, комиссий и рабочих групп Общественной палаты [6].

Одной из форм общественного контроля является общественная экспертиза, осуществляемая Общественной палатой на муниципальном уровне. Реалии сегодняшней действительности таковы, что потребность в производстве экспертиз законопроектов постоянно растет, заметно расширилась сфера экспертных услуг, но, вместе с тем, далеко не всегда их качество остается на высоком уровне. Проведение экспертизы нормативных актов — достаточно сложное действие, которое объединяет целый комплекс вопросов: о целесообразности и возможности ее проведения, подготовка документов и материалов для исследования, выбор экспертов, собственно само исследование и оформление полученных результатов, использование результатов экспертизы в нормотворческой деятельности [7, с. 193].

Как известно, экспертиза законопроектов проводится с целью определения соответствия положений проекта правового акта нормам Конституции Российской Федерации, международным договорам государства и требованиям актов большей юридической силы [8, с. 146].

Для проведения общественной экспертизы Общественная палата вправе:

- 1) привлекать экспертов Общественной палаты или формировать экспертную комиссию, которая формируется из экспертов Общественной палаты, имеющих соответствующее образование и квалификацию в различных областях знаний;
- 2) направлять в органы местного самоуправления, муниципальные организации, иные органы и организации, осуществляющие в соответствии с федеральными законами

отдельные публичные полномочия, запрос о предоставлении документов и материалов, необходимых для проведения общественной экспертизы;

3) вносить предложения о направлении членов Общественной палаты для участия в заседаниях органов местного самоуправления, на которых рассматриваются акты, проекты актов, решения, проекты решений, документы или другие материалы, являющиеся объектом общественной экспертизы.

По результатам общественной экспертизы готовится заключение Общественной палаты.

Заключения Общественной палаты по результатам общественной экспертизы акта, проекта акта, решения, проекта решения, документа или других материалов носят рекомендательный характер и направляются на рассмотрение в соответствующий орган местного самоуправления, муниципальную организацию, иной орган и организацию, осуществляющую в соответствии с федеральными законами отдельные публичные полномочия.

Члены Общественной палаты могут принимать участие в рассмотрении заключений Общественной палаты по результатам общественной экспертизы актов, проектов актов, решений, проектов решений, документов или других материалов, в отношении которых проводилась общественная экспертиза [6].

Члены Общественной палаты, уполномоченные Советом Общественной палаты, участвуют в работе органов местного самоуправления. Совет народных депутатов обеспечивает возможность присутствия членов Общественной палаты, уполномоченных Советом Общественной палаты, на заседаниях Совета народных депутатов, заседаниях его постоянных комитетов и комиссий в соответствии с правовыми актами Совета народных депутатов.

Поддержка Общественной палатой гражданских инициатив осуществляется в следующих направлениях:

1. Общественная палата осуществляет сбор и обработку информации об имеющих общественную значимость инициативах граждан и их объединений.

2. Общественная палата через средства массовой информации, а также посредством информационно-телекоммуникационной сети Интернет информирует население об инициативах с целью привлечения общественности к их обсуждению и реализации.

Для информационного обеспечения деятельности Общественной палаты, а также для обеспечения доступа граждан и организаций к информации о ее деятельности, в том числе к информации по осуществлению общественного контроля и его результатов, используется официальный сайт органов местного самоуправления [10].

Подводя итог вышесказанному, необходимо отметить следующие аспекты:

Во-первых, контрольная функция за нормотворческой деятельностью на муниципальном уровне находится на стадии становления и формирования.

Во-вторых, имеется юридическая основа для работы Общественной палаты на региональном уровне.

В-третьих, в нормативных документах находит отражение экспертиза нормативных правовых актов.

Есть все основания полагать, что деятельность Общественных палат на муниципальном уровне будет способствовать дальнейшему укреплению социальной стабильности, консолидации общественных институтов, повышению качества жизни всех жителей муниципалитета.

Литература

1. Арзамасов Ю. Г. Реализация права законодательной инициативы в современной России: правовая регламентация, проблемы, практика // Государство и право. — 2018. — № 5. — С. 5–17.

2. Федеральный закон от 06.10.2003 №131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (в ред. от 30.10.2018) с изм. и доп., вступ. в силу с 11.11.2018) // Собрание законодательства РФ. — 2003. — № 40, ст. 3822.

3. Федеральный закон от 23.06.2016 №183-ФЗ «Об общих принципах организации и деятельности общественных палат субъектов Российской Федерации» (в ред. от 05.12.2017) // Собр. законодательства РФ. — 2016. — № 26 (часть I), ст. 3852.

4. Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2017 год [Электронный ресурс]. URL: <http://report2018.oprf.ru/ru/2.php#sub203>

5. Общественная палата. Официальный сайт органов местного самоуправления города Владимира [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vladimir-city.ru/city/public>

6. Положение об Общественной палате города Владимира. Приложение к решению Совета народных депутатов города Владимира от 03.12.2015 № 102 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vladimir-city.ru/upload/iblock/41f/102-1.pdf>

7. Лазарева Л. В. Комплексный подход к оценке заключения эксперта // Журнал Библиотека криминалиста.. — 2018. — № 3. С.193-199.

8. Москалькова Т. Н. Качество современного федерального законодательства: состояние и пути повышения // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2013. — № 22. — С. 137-148.

9. Положение об Общественной палате города Владимира: Приложение к решению Совета народных депутатов города Владимира от 03.12.2015 № 102 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vladimir-city.ru/upload/iblock/41f/102-1.pdf>

CONTROL FUNCTION BEHIND RULE-MAKING ACTIVITY OF MUNICIPAL PUBLIC CHAMBERS

I.I. Deren, L.V. Lazareva

Vladimir law institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

In article control function of public chambers behind rule-making activity on the example of municipal units is considered. An object of research are the precepts of law and theoretical provisions regulating activity of public chambers at the municipal level and also a complex of the regularities and problem situations arising at implementation of control

function, demanding scientific permission. It is shown that the current legislation insufficiently carries out legal regulation of activity of municipal public chambers. Analyzing various forms of public control, the attention to conducting public examination of bills at the municipal level is paid. Shortcomings of practical character are noted, the reasoned conclusion about the perspective directions of functioning of public chambers is stated.

Investigating an order of conducting public examinations, a conclusion that control function behind rule-making activity at the municipal level is at a stage of formation and formation is formulated.

The theoretical conclusions formulated in article form the basis for a further research of control function behind rule-making activity of municipal public chambers and also can be used in law-making at improvement of the legislation regulating issues of activity of public chambers.

Keywords: *control function, rule-making activity; public control, Public chamber, public examination*

УДК 343.3

DOI: 10.24411/2412-1657-2018-10040

ОХРАНА ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЯ СОТРУДНИКОВ МЕСТ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ И СОДЕРЖАНИЯ ПОД СТРАЖЕЙ ОТ ПРЕСТУПНЫХ ПОСЯГАТЕЛЬСТВ В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД

И. В. Пикин, Д. Л. Ильин, Д. Т. Гаджиев

В статье рассматриваются проблемные вопросы, связанные с уголовно-правовой регламентацией охраны жизни и здоровья сотрудников мест лишения свободы и мест содержания под стражей от преступных посягательств со стороны спецконтингента. Цель написания статьи заключалась в проведении анализа исторических источников об ответственности за посягательство на лиц, обеспечивающих изоляцию от общества в дореволюционный период. Для реализации указанной цели автором проведено исследование положений исторических документов, устанавливающих ответственность за посягательство на жизнь и здоровье лиц, обеспечивающих изоляцию осужденных от общества, а также сотрудников мест содержания под стражей. В результате исследования сделаны выводы согласно которым, законодательство в области охраны лиц, в чьи обязанности входило исполнение уголовных наказаний была регламентирована нормами права, направленными на защиту их жизни и здоровья от преступных посягательств.

Ключевые слова: Уголовно-правовая охрана, сотрудники мест лишения свободы, места лишения свободы, места содержания под стражей.

Рассмотрение вопросов, связанных с уголовно-правовой охраной жизни и здоровья сотрудников мест лишения свободы и мест содержания под стражей, невозможно без исторического осмысления и анализа норм, предусматривающих ответственность за подобные посягательства.

В силу особого характера общественных отношений, возникающих в сфере исполнения и отбывания уголовных наказаний, а также вопросов, связанных с содержанием подозреваемых и обвиняемых под стражей, уголовно исполнительная система рассматривается как специфический объект уголовно-правовой охраны. Специфика объекта подтверждается ее правовым статусом, в основе которого лежат общегосударственные цели

Пикин Иван Викторович — к.ю.н., доцент кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета, Владимирский юридический институт ФСИН России
Ильин Дмитрий Леонидович — старший преподаватель кафедры физической подготовки юридического факультета, Владимирский юридический институт ФСИН России
Гаджиев Джамидин Татжитдинович — старший преподаватель кафедры физической подготовки юридического факультета, Владимирский юридический институт ФСИН России

и задачи — исправление осужденных и недопущение совершения ими новых преступлений, что обеспечивает восстановление социальной справедливости.

Кроме того, специфический характер пенитенциарной системы проявляется в том, что сама система может быть подвергнута преступному посягательству, возникающему как со стороны спецконтингента, так и со стороны других лиц с целью воспрепятствовать законной деятельности администрации учреждения. В любом случае речь идет о подрыве нормальной деятельности учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания и мест содержания под стражей, поэтому необходимо обеспечить защиту УИС посредством создания уголовно-правовых норм, а также условий для их эффективной реализации.

Вынесенный на наше рассмотрение институт предполагает рассмотрение различных этапов исторического становления институтов, направленных на охрану жизни и здоровья лиц, в чьи обязанности входит обеспечение исправительного воздействия на осужденных лиц, а также в отношении лиц, к которым применяются меры процессуального воздействия.

В истории российского права уголовная ответственность за посягательство на нормальную работу учреждений и должностных лиц, чья деятельность напрямую была связана с исполнением уголовных наказаний и обеспечением нормальной работы лиц, непосредственно задействованных в данном процессе, встречается лишь в советский период, при этом уголовно-правовая охрана жизни и здоровья сотрудников мест лишения свободы и содержания под стражей, а также членов их семей, берет свое начало гораздо раньше.

Опасность преступных деяний, посягающих на нормальное функционирование мест лишения свободы, содержания под стражей, исполнения наказания в виде ареста, заключается в том, что виновное лицо нарушает режим (установленный законом и соответствующими закону нормативными правовыми актами порядок исполнения и отбывания лишения свободы, обеспечивающий охрану и изоляцию осужденных, постоянный надзор за ними, исполнение возложенных на них обязанностей, реализацию их прав и законных интересов, личную безопасность осужденных и персонала, раздельное содержание разных категорий осужденных, различные условия содержания в зависимости от вида исправительного учреждения, назначенного судом, изменение условий отбывания наказания [7]), что может сопровождаться причинением вреда жизни и здоровью личности, а также вреда имущественным интересам государства.

Одним из первых источников в области регламентации ответственности за убийство лиц, обладающих признаками должностных лиц, стоит считать Русскую правду. Именно этот исторический документ закрепляет в своих нормах характеристику преступлений, посягающих на жизнь лиц, обладающих различными специфическими признаками [3, с. 37] (состоящих на различных государевых должностях). Крайне важно отметить, что ряд статей предусматривает ответственность непосредственно при отпращивании такими лицами своих служебных обязанностей. При этом хотелось бы отметить, что прямого нормативно-правового регулирования и охраны от преступных посягательств в сфере обеспечения работы мест изоляции от общества данный сборник не содержал.

Дальнейшее развитие законодательства в сфере обеспечения нормальной деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, по нашему мнению, следует рассматривать Судебник 1550 г., который получил название Царского. Судебник

был утвержден во время реформ Ивана IV и служил правовой основой их проведения. Согласимся с мнением Н. А. Горшковой, которая отмечает в своей работе, что за «нарушение деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества (уголовно-правовое исследование)» ... «по Судебнику 1550 г. вводится новый вид наказания — тюремное заключение. При этом сам процесс его исполнения не регламентируется [5, с. 56]». И тут нам бы хотелось пояснить, что существование конкретного закрепления учреждений, где отбываются тюремные заключения, предполагает свод правил отбывания в нем, что в свою очередь можно отнести к регулированию отбывания наказания в виде лишения свободы [4, с. 46].

Прорыв в законодательстве совершило издание Соборного Уложения 1649 г., которое дало понятие таким будущим институтам уголовного права, как крайняя необходимость и необходимая оборона, а также было произведено деление убийств на умышленные и неосторожные [4, с. 60]. Соборное уложение также не содержало конкретных норм в области регулирования порядка отбывания наказания и норм ответственности за дезорганизацию деятельности учреждений, исполняющих наказание в виде лишения свободы. При этом мы можем предположить, что отсутствие единого управления тюремной системой в Русском государстве в XVII в. и единого органа, который ведал бы тюрьмами, предполагало регулирование нормальной деятельности данных учреждений принадлежностью к ведомству Стрелецкого, Земского, Разбойного и некоторых других приказов. И вышеуказанные институты напрямую относились и к лицам, осуществляющим надзор за осужденными.

На местах тюрьмами управляли воеводы и губные старосты. Соборное Уложение 1649 года (гл. XXI, ст. 101) следующим образом определяет обязанности губного старосты в деле управления тюрьмой: «В городех тюрьмы ведают Губные старосты, и Губным старостам доведется тюрьмы и тюремных сидельцев осматривати почасту, чтобы тюрьмы были крепки, и у тюремных бы сидельцов в тюрьмах ничего не было, чем им из тюрьмы вырезатися...». В самих тюрьмах администрация состояла из целовальников и сторожей. Их главной обязанностью было не допустить побегов заключенных. Наличие указанных обязанностей определяло нормальную работу тюрем.

Не зря документ именно этого исторического периода мы именовали «прорывом», поскольку историки считают его зарождением отрасли уголовного права в России (в частности, появления на свет раздела, регулирующего ответственность за преступления против государственной власти и порядка управления).

Артикул Воинский 1715 г. даёт понятие «сопротивление конвою». Конвой выполнял функции органа власти [3, с. 121] (конвойные были наделены по приказу конкретными обязанностями, вытекающими из закона, заключающиеся в конвоировании контингента заключенных лиц).

«Ежели осужденный будет противитца против того, который командирован будет его взять, а оного взять будет невозможно, тогда хотя осужденнаго иный и убьет, то за оное наказать не надлежит. Однакож сие для обыкновенных воров, а не чрезвычайных, яко бунтовщиков и изменников, которых убийством могут многие товарищи покрыты быть [3, с. 122]».

Конкретика, а именно «убийство лиц при отправлении ими должностей», фигурировала в Своде законов Российской Империи 1833 г., который относил данный

состав к разряду умышленных преступлений. То есть под угрозу ставилась жизнь должностных лиц при исполнении ими своих должностных обязанностей. В круг потерпевших входили в том числе и лица, в чьи обязанности входило исполнение уголовных наказаний. Иерархия значимости объектов посягательства определяется Сводом законов в таком порядке: на первое место выдвинулись преступления против веры, государственные преступления были на втором месте, далее — преступления против «правительства», к которым можно отнести и преступления против порядка управления.

Вышеупомянутые преступления «против правительства» легли в основу конструкции раздела «преступления и проступки против порядка управления»

Однако спустя годы после принятия Свода законов и перед принятием Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., данные составы не нашли более подробной регламентации, и они лишь совокупили ранее принятое во едино и имели силу только при соответствии их положений так называемому Полному собранию законов [2, с. 68–69].

Раздел четвертый — «Порядок управления» — характеризовал деяния, которые (на первый взгляд) защищали все интересы государства, которые были связаны с сохранением существующего строя державности (исполнение государевых повинностей, сохранение казенного имущества и обеспечение доходов казны [6, с. 218]). Как говорит С. Н. Викторовский, «в частности, к этому разделу относятся преступления против правосудия, а также препятствующие деятельности полицейских властей [1, с. 191]».

Хоть на тот момент и отсутствовали какие-либо нормы, предусматривающие ответственность за посягательство на сотрудника места исполнения уголовного наказания, однако данный нормативный акт можно считать полезным в плане расширения составов посягательств на сотрудников полицейско-административного аппарата (представителей власти).

Не следует оставлять без рассмотрения и Уголовное Уложение 1903 г., которое в качестве квалифицирующего признака убийства было дополнено двумя дополнительными признаками — убийство священнослужителя во время службы и члена военного караула и караула, охраняющего императора. Мы понимаем, что прямой связи с посягательством на жизнь и здоровье лиц, исполнявших наказание, данный состав не предусматривал, однако мы видим стремление законодателя оградить лиц, обладавших определенными властными полномочиями, от преступных посягательств.

То есть мы наблюдаем законодательное закрепление норм об ответственности за посягательство на конкретную фигуру властных структур, но значительных изменений в связи с принятием данного нормативного правового акта не последовало. Чего не скажешь о регламентации уголовной ответственности за совершение побега или незаконного освобождения заключенного. Но и данные действия воплощали составы преступлений лишь в случае сопряжения их с уничтожением или повреждением тюремного имущества, либо же с применением насилия к стражникам (ст. 335–343 Уголовного Уложения 1903 г. [5, с. 418]).

С принятием данной нормы впервые был детализирован вопрос регламентации ответственности за применение насилия в отношении представителя власти — сотрудника места лишения свободы или содержания под стражей.

Что касается диспозиции, то объективная сторона охарактеризована такими терминами, как «насильственное освобождение», «смертоубийство», «употребление противу стражи насилия», «освобождение через насилие» и другие (ч. 1, 2 ст. 335, ч. 2 ст. 336, 337, 338).

Данный исторический источник непосредственно указал круг потерпевших преступного посягательства — надзиратели тюрьмы, сотрудники лагерей либо конвоиры, посягающим на которых субъектом был всегда именно заключенный. При этом местом совершения преступления могли быть все (на выбор) места лишения свободы: крепость, смиренный дом, арестантские роты гражданского ведомства, рабочие дома. Кроме названных мест законодатель ввел такое понятие, как кратковременный арест, который мог отбываться в различных местах (ст. 59, 60) [5, с. 314].

Уложение во многом регламентировало действия заключенных как субъектов преступления, а также самих сотрудников, не стоит и об этом забывать. Должностные преступления зародились еще со времен глубокой древности, в момент возникновения государства, хоть и были латентными.

В ч. 2 ст. 173 и ст. 174 главы 6 Уложения «О неповиновении власти» устанавливалась ответственность за действия по освобождению арестанта из-под стражи или места заключения (аналог современности — ст. 313 «Побег из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи»), содействие побегу арестанта, если «освобождение учинено посредством насилия над личностью в отношении стражи» [5, с. 312].

Почему при наличии действий, посягающих на аппарат исполнения уголовных наказаний, на тот период времени не существовало отдельной статьи против дезорганизации? На наш взгляд, это связано, в первую очередь, с отсутствием реальных полномочий у ветви судебной власти. Можно даже сказать, что таковой не существовало на тот период времени, поскольку всю верховную власть (в том числе правосудие по особо важным делам государственным) сосредотачивал в себе князь, государь, а затем и император.

Предпринятая нами попытка рассмотрения вопросов охраны жизни и здоровья лиц, реализующих назначенное наказание, дает нам основания полагать, что памятники древней Руси проложили путь становлению ответственности за государственную преступность в области управленческих дел, связанных с исполнением уголовных наказаний. Как минимум, исторический период становления законодательства в области охраны лиц, в чьи обязанности входило исполнение уголовных наказаний, был регламентирован нормами права, направленными на защиту их жизни и здоровья от преступных посягательств. Все эти лица могли выступать в качестве потерпевших (священнослужитель, караульный, тюремный надзиратель), а в отдельных случаях рассматривались как субъекты таких преступлений.

Литература

1. Викторовский С.Н. Развитие русского права в XV–XVIII вв. — М.: 1995.
2. Высочайший манифест 31 января 1833 года № 3 «Об издании Свода Законов Российской Империи». Оpubл.: 31 января 1833 года // Собрание второе, т. VIII (отделение первое). — С. 68–69.

3. Горшкова Н. А. Нарушение деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества (уголовно-правовое исследование): монография / Под ред. А. И. Чучаева. — М.: Проспект, 2013.

4. Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века: Тексты. — Л., 1986.

5. Отечественное законодательство XI–XX веков /Под общ. ред. д.ю.н., профессора О. И. Чистякова. — М.: Юридическая литература, 1986.

6. Сергеевич В. А. Лекции и исследования по истории русского права. — М.: 1993.

7. Уголовный кодекс Российской Федерации: [федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ; в ред. федер. закона от 27 декабря 2018 г. № 520-ФЗ] // Собр. Законодательства Российской Федерации. — 1996. — № 25, ст. 2954.

PROTECTION OF LIFE AND HEALTH OF EMPLOYEES OF PLACES OF DEPRIVATION OF LIBERTY FROM CRIMINAL ATTACKS IN THE PRE-REVOLUTIONARY PERIOD

I.V. Pikin, D.L. Ilyin, D.T. Gadzhiev

Vladimir law institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

The article deals with the problematic issues related to the criminal law regulation of the protection of life and health of employees of places of deprivation of liberty and places of detention from criminal attacks by the special contingent. The purpose of this article was to analyze historical sources of responsibility for the infringement of persons providing isolation from society in the pre-revolutionary period. To achieve this goal, the author conducted a study of the provisions of historical documents establishing responsibility for violations of the life and health of persons ensuring the isolation of convicts from society, as well as employees of places of detention. The study concluded that the legislation in the field of protection of persons whose duties included the execution of criminal penalties was regulated by the rules of law aimed at protecting their lives and health from criminal attacks.

Keywords: *Criminal law protection, employees of places of deprivation of liberty, places of deprivation of liberty.*

УДК 343.101

DOI: 10.24411/2412-1657-2018-10041

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ПО ДЕЛАМ ЧАСТНОГО ОБВИНЕНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

О. Л. Журба, Д. Г. Филоненко

В статье рассмотрены вопросы, регулирующие уголовное преследование по делам частного обвинения. Отдельно рассмотрена история становления данного института. Проанализирован зарубежный опыт регулирования порядка производства по делам частного обвинения. Результатом работы стали предложения по усовершенствованию национального законодательства.

Ключевые слова: уголовное преследование, дела частного обвинения, предварительное расследование, примирение сторон.

В уголовном процессе Российской Федерации, как и в других странах, выделяется несколько форм осуществления уголовного преследования, что и обуславливает особенности порядка производства по уголовному делу. По нашему мнению, уголовное преследование в форме частного обвинения представляет наибольший интерес для проведения исследования, так как именно эта форма предусматривает производство по уголовному делу без осуществления предварительного расследования, доказывание по делу является обязанностью частного обвинителя.

Рассматривая вопрос особенностей данной формы уголовного преследования, следует остановиться на нескольких моментах:

- возбуждение уголовного дела — поводом для возбуждения уголовного дела является только заявление потерпевшего (кроме специально оговоренных в УПК РФ случаев);
- у сторон на протяжении всего производства по делу существует возможность примирения, но только до удаления суда в совещательную комнату (при уголовном преследовании в публичном и частно-публичном порядке такой возможности нет);
- подсудность — такие дела рассматриваются мировым судьёй;

Журба Оксана Леонидовна — к.ю.н., заместитель начальника кафедры уголовного процесса и криминалистики, Крымский филиал Краснодарского университета МВД России, г. Симферополь

Филоненко Дмитрий Геннадьевич — слушатель, Крымский филиал Краснодарского университета МВД России, г. Симферополь

- субъект доказывания — органы предварительного расследования освобождены от осуществления следственных и иных действий по данной категории уголовных дел.

Преступления, которые отнесены к уголовным делам частного обвинения, отличаются меньшей общественной опасностью, в отличие от других преступлений. К ним УПК РФ относит умышленное причинение легкого вреда здоровью, побои и клевету. Все эти преступления являются преступлениями небольшой тяжести [1].

Естественно, эти преступления — не единственные, являющиеся преступлениями небольшой тяжести, которые закреплены Уголовным кодексом Российской Федерации. Возникает вопрос о том, почему именно эти три преступления законодателем определены для осуществления уголовного преследования в частном порядке. Например, уголовные дела о нарушении авторских прав носят частно-публичный или даже публичный характер (для квалифицированных составов) [2, с. 15–17; 3, с. 57.].

Если обратиться к истории, то во времена Российской Империи преступлений, рассматриваемых в частном порядке, было на порядок больше. В Уложении о наказаниях 1845 года содержалось более пятнадцати преступлений, расследование по которым производилось аналогичным с уголовным преследованием частного обвинения способом. Среди этих преступлений был и аналог нарушений авторских прав — присвоение ученой или художественной собственности [4, с. 91; 5, с. 66].

Позднее, во времена советского периода, с принятием новых уголовно-процессуальных кодексов, количество дел частного обвинения сокращалось. Справедливости ради стоит отметить, что в каждой отдельной республике к указанной категории преступлений относились разные составы. В УПК РСФСР также был закреплён перечень преступлений частного обвинения, однако существовало и так называемое «примечание», согласно которому данный перечень мог быть расширен УПК республик. УПК РФ, действующий в настоящее время, содержит перечень дел частного обвинения, который схож с тем, что был закреплён УПК РСФСР 1960 года.

Одновременно с этим, законодательство бывших союзных республик стали расширять перечень составов, дела о которых подлежат уголовному преследованию в частном порядке. В 1990-е годы актуальным стало построение демократического государства, стало развиваться и гражданское общество, соответственно и уровень правовой подготовки граждан стал на порядок выше. Это показало, что лица смогут сами защищать свои права. При этом интересен опыт уголовного судопроизводства Беларуси, Украины и Казахстана в части уголовного преследования в частном порядке.

Так, ст. 26 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее — УПК РБ) содержит семнадцать составов в указанной категории (например, разглашение тайны усыновления (удочерения), нарушение тайны переписки и др.). Однако содержит и оговорку, что пять из них признаются делами частного обвинения в случае совершения их в отношении лица «членами его семьи, близкими родственниками либо иными лицами, которых оно обоснованно считает близкими» (такие как кража, угон транспортного средства, мошенничество и др.) [6, 7].

Полагаем, что выделение такого условия, как совершение преступления близкими, является необычной для нас и очень интересной практикой, которая соответствует конституционному праву не свидетельствовать против себя, своих близких

родственников. Такой институт, как примирение сторон, в данном случае имеет особую значимость и является преимуществом белорусского законодательства.

УПК Республики Казахстан (далее — УПК РК) содержит перечень уголовных дел частного обвинения и он также на порядок шире, чем в УПК РФ (двенадцать составов — истязание, неосторожное причинение средней тяжести вреда здоровью, нарушение неприкосновенности частной жизни, понуждение к половому сношению, мужеложству, лесбиянству или иным действиям сексуального характера и другие) [8, 9].

Что касается уголовно-процессуального законодательства Украины, то УПК содержит следующие составы преступлений, дела о которых подлежат расследованию в частном порядке — это домашнее насилие, заражение венерической болезнью без отягчающих обстоятельств, изнасилование без отягчающих обстоятельств, принуждение к вступлению в половую связь и другие. Однако в Украине понятие «частного обвинения» отличается от российского. Уголовное дело также возбуждается по заявлению потерпевшего, однако получив заявление потерпевшего (или его представителя) о совершении уголовного преступления, указанного в ст. 477 УПК Украины, следователь, прокурор обязаны внести соответствующие сведения в ЕРДР (единый реестр досудебных расследований) и начать расследование. Главными особенностями частной формы уголовного преследования в Украине являются:

- дело расследуется следователем или прокурором;
- поддержание обвинения в суде лежит на потерпевшем (или его представителе);
- УПК Украины предусматривает возможность изменения в уголовном производстве формы обвинения — с государственной на частную и наоборот. Такое становится возможным, если прокурор в суде отказался от поддержания обвинения, а потерпевший, наоборот, согласился его поддерживать. В российском судопроизводстве отказ от поддержания обвинения государственным обвинителем влечёт прекращение уголовного дела, что является более консервативным подходом [10, 11].

Исходя из изложенного, следует, что главным отличием уголовного судопроизводства России и соседствующих государств в части уголовного преследования в форме частного обвинения, является большее количество составов преступлений, входящих в данную категорию, что, несомненно, является более современным явлением. Однако, если перенять опыт других государств по расширению перечня составов дел частного обвинения, то необходимо будет также предусмотреть критерии и основания, при которых тот или иной состав будет преследоваться в порядке частного обвинения.

Прежде всего, это обязательно должен быть критерий тяжести преступления. Это, несомненно, должно быть преступление небольшой тяжести и нести наименьшую общественную опасность.

Таким преступлением должны быть нарушены личные права человека в большей степени, нежели общественные и государственные интересы.

Помимо этого, должно быть учтено психологическое отношение потерпевшего (а также общества) к такому преступлению. К примеру, убийство, совершённое в состоянии аффекта (ст. 107 УК РФ) обязательно должно быть расследовано в публичном порядке, поскольку объект посягательства представляет особую важность (общественные отношения, обеспечивающие конституционное право каждого на жизнь), при

осуществлении расследования в обязательном порядке необходимо проведение экспертизы для установления наличия состояния аффекта. Кроме того, никто не исключает возможность моделирования такой ситуации родственниками, которые из-за своей личной (зачастую корыстной) заинтересованности не станут обращаться в правоохранительные органы по фактам совершения таких преступлений. Поэтому отнесение любых преступлений к делам частного обвинения не является целесообразным, противоречит принципу справедливости.

Подводя итог, можно выделить следующее. В настоящее время представляется целесообразным внести изменения в УПК РФ в части расширения перечня преступлений, преследуемых в частном порядке. При этом расширить перечень исключительно теми составами, которые действительно разумно было бы расследовать в частном порядке ввиду низкой степени общественной опасности и высокой вероятности примирения сторон.

Кроме того, полезным было бы перенять опыт Республики Беларусь и закрепить процессуально положение о возможности расследования некоторых категорий дел в частном порядке, в случае совершения их близкими лицами потерпевшего.

Такие изменения УПК РФ, на наш взгляд, поспособствовали бы усовершенствованию российского уголовного судопроизводства, а также существенно бы снизили нагрузку на органы предварительного расследования.

Литература

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ // Российская газета. — 2001. — № 249.
2. Пушкарёв В.В. Толкование функции уголовного преследования в решениях Европейского Суда по правам человека, Европейской Комиссии по правам человека, Конституционного Суда РФ, как предпосылка её нормативного выражения в процессуальном статусе следователя // Международное уголовное право и международная юстиция. — 2016. — №4. — С. 15–17.
3. Пушкарёв В. В. Формирование понятия и концепции уголовного преследования (обвинения) // Вестник экономической безопасности. 2017. — №3. — С. 56–59.
4. Гончарова А. Н. Дела частного обвинения в российском уголовном законодательстве XIX-XX вв. // Вопросы уголовного права и процесса в условиях правовой реформы. — 1999. — С. 89–101.
5. Гончарова А. Н. Криминологические основания преступлений частного обвинения: Моногр. — Красноярск: КрасГУ, 2002.
6. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL: http://kodeksy-by.com/ugolovno-protsessualnyj_kodeks_rb.htm
7. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226>
8. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан [Электронный ресурс]. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852#pos=1038;-2
9. Уголовный кодекс Республики Казахстан [Электронный ресурс]. URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226>

10. Уголовно-процессуальный кодекс Украины [Электронный ресурс]. URL: http://continent-online.com/Document/?doc_id=31197178#pos=2;-88

11. Уголовный кодекс Украины [Электронный ресурс]. URL: <https://meget.kiev.ua/kodeks/ugolovniy-kodeks/>

PROBLEMS OF THE FORMATION OF THE CRIMINAL PROCEEDINGS INSTITUTION ON PRIVATE PROSECUTION CASES AT THE PRESENT STAGE OF CRIMINAL PROCEDURE DEVELOPMENT

O.L. Zhurba, D.G. Filonenko

Crimean branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Simferopol

In article the questions regulating criminal prosecution for private prosecution are considered. The history of formation of this institute is separately considered. Foreign experience of regulation of an order of production on affairs of private prosecution is analysed. Offers on improvement of the national legislation became result of work.

Keywords: *criminal prosecution, affairs of private prosecution, preliminary investigation, reconciliation of the parties.*

DOI: 10.24411/2412-1657-2018-10043

УДК 347.4

ТАРГЕТИРОВАННАЯ РЕКЛАМА: ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ**Н. А. Аблятипова, А. А. Кравцова**

Таргетированная реклама упрощает поиск контрагентов, существенно расширяет возможности электронных гражданских правоотношений, в частности, дистанционной купли-продажи, оказания услуг в сети Интернет. В статье анализируется таргетированная реклама, как современное явление в гражданско-правовом аспекте. Выделены особенности данного понятия, виды и признаки. Актуализированы проблемы конфиденциальности данных, нарушения тайны переписки, возможности отказа пользователя от получения оферты. Рассмотрены особенности таргетированной рекламы на примере сайта ВКонтакте. На основе проведенного исследования сформулированы предложения по совершенствованию механизма таргетированной рекламы в современном интернет пространстве.

Ключевые слова: таргетированная реклама, интернет, информация, интернет-реклама, оферта, защита информации, неприкосновенность частной жизни.

В современном мире Интернет открывает новые возможности для гражданского оборота, порождает возникновение новых отношений и модификации старых, традиционно устоявшихся и достаточно полно урегулированных нормами права, в силу его специфики. Среди отношений, подвергнутым модификации можно выделить отношения в сфере рекламы, так, в реалиях Интернета, она в большинстве случаев является таргетированной. Все явления, которые несут какую-либо новизну, так или иначе подвергаются критическому осмыслению на предмет оценки: является ли данное явление положительным или отрицательным, таргетированная реклама — не исключение.

Можно ли достоверно полагать, что таргетированная реклама — это благоприятное явление для потребителей информационных услуг и участников гражданского оборота? На первый взгляд, плюсы в достаточной степени очевидны: таргетированная реклама упрощает поиск контрагентов, существенно расширяет возможности электронных гражданских правоотношений, в частности, дистанционной купли-продажи, оказания услуг в сети Интернет, среди которых, в том числе и образовательные, осуществление удаленных работ, а также эффективное рекламирование о деятельности, осуществляемой в объективной действительности и не реализуемой онлайн.

Аблятипова Наталья Айдеровна — кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист РК, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин, Крымский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», г. Симферополь
Кравцова Анастасия Алексеевна — студент, Крымский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», г. Симферополь

С другой стороны, возникает ряд вопросов как соотносится таргетированная реклама с неприкосновенностью частной жизни, тайной переписки, правомерностью обработки персональных данных. Не происходит ли скрытое самоограничение прав пользователей, злоупотребление своим положением в договоре присоединения поставщика услуг и принуждение к отказу от мнений и убеждений граждан-пользователей, если они не желают получать таргетированную рекламу по каким-либо причинам, но вместе с этим им необходимы информация и функционал сайта, содержащего такую рекламу?

В настоящее время российское законодательство содержит общее понятие рекламы, под которой понимается «информация, распространенная любым способом, в любой форме и с использованием любых средств, адресованная неопределенному кругу лиц и направленная на привлечение внимания к объекту рекламирования, формирование или поддержание интереса к нему и его продвижение на рынке» [3]. Данное легальное определение отражает экономическую сущность рекламы и ее роль на рынке товаров и услуг. Вместе с этим, с точки зрения гражданского права, назначение рекламы не исчерпывается «привлечением внимания», «поддержанием интереса», «продвижением на рынке». Реклама имеет значение для гражданского оборота и возникновения гражданских правоотношений: по общему правилу она рассматривается, как приглашение оферты. Кроме того, если формат рекламы будет таковым, что будет содержать в себе все существенные условия договора предложение, и при этом одновременно будет усматриваться воля лица, осуществляющего предложение, на заключение договора на указанных условиях с любым, кто отзовется, то в контексте п. 2 ст. 437 ГК РФ такая реклама будет признаваться публичной офертой [2]. В рамках данной работы мы будем исследовать рекламу, как гражданско-правовое явление.

В современном мире широко распространена Интернет-реклама, существует несколько разновидностей такой рекламы, среди которых таргетированная реклама, контекстная реклама, указанные явления выступают предметом данного исследования. Как правило, контекстная и таргетированная рекламы рассматриваются, как экономический феномен. При данном подходе таргетированная реклама определяется, как вид интернет-рекламы, для показа которого осуществляется тщательный подбор аудитории [12]; объявление, направленное на отображение только у целевой аудитории потенциальных клиентов [8, 11]; объявления, которые показываются по заданным параметрам, при помощи различных настроек, позволяющих точно задать целевую аудиторию [9]; «небольшие объявления, состоящие из графического и текстового блока, которые отображаются для выбранной аудитории» [16]; выборочное представление некоторого продукта конечному потребителю путем ориентации на известные о пользователе данные [7]; «объявления, привязанные к анкетным данным пользователей в социальных сетях» [10]. Таким образом, таргетированная реклама экономистами рассматривается, как многогранное явление: рекламный инструмент; инструмент интернет-маркетинга; инструмент поддержания спроса, продвижения товаров и услуг в условиях ограниченного бюджета или кризиса, инструмент для продвижения коммерческих и некоммерческих организаций; средство продвижения продукции в социальных сетях. Несмотря на такое многообразие подходов, можно выделить

ключевую черту таргетированной рекламы — целевой характер отображения, ориентированный на определенный круг лиц, который обладает некоторыми чертами.

Критериями для выбора целевой аудитории выступают: возраст, пол, образование, местоположение, круг интересов и т. д. Техническая возможность существования таргетированной рекламы имеет место, благодаря тому, что люди открыто делятся информацией о себе в сети Интернет (наиболее яркий пример — поведение в социальных сетях), и эти данные являются предметом анализа. В. С. Старостин подчеркивает, что машинное обучение и нейросети создают возможность выделить индивидуального потребителя, адаптировать комплекс маркетинга для конкретного клиента; осуществляется прогнозирование поведения и построение рекомендательных систем. В. С. Старостин пишет: «На основе конкретного потребительского портрета алгоритм информационной системы может самостоятельно находить представителей целевой аудитории, которые максимально похожи на эталонный образец» [15].

Как гражданско-правовое явление таргетированная реклама может быть определена, как информация, содержащая приглашение делать оферты, распространяемое в сети Интернет, в любой форме с использованием средств, позволяющих адресовать группе персонально-неопределенных лиц, обладающей некоторыми схожими чертами, наличие которых увеличивает вероятность заинтересованности данных лиц в приглашении делать оферты. Кроме того, под таргетированной рекламой, как гражданско-правовым феноменом может пониматься информация, содержащая в себе все существенные условия договора предложение, распространяемое в сети Интернет, в любой форме с использованием средств, позволяющих адресовать ее персонально-неопределенной группе лиц, обладающих некоторыми схожими чертами, наличие которых увеличивает вероятность заинтересованности данных лиц вступить в гражданско-правовые отношения с лицом, осуществляющим предложение, при одновременном достаточно определенном выражении воли последнего, на заключение договора на указанных условиях с любым, кто отзовется. Таким образом, таргетированная реклама может быть подразделена на два вида: 1) таргетированное приглашение делать оферты; 2) таргетированная публичная оферта. Квалифицирующим признаком данного молодого правового явления выступает, порожденная научно-техническим, информационным развитием, возможность выделить из неопределенного круга лиц, персонально-неопределенную группу — целевую аудиторию лиц, потенциально заинтересованных в создании тех или иных гражданско-правовых отношений.

Контекстная реклама определяется, как «показ объявлений, основанный на соответствии предмета рекламы содержанию страницы, на которой она размещена» [11], «таргетинг, по ключевым словам, который используется в большей степени как дополнительный источник выделения целевой аудитории. Объявление показывается в результатах по заданным фразам» [7]. Поэтому в рамках данной работы мы рассматриваем контекстную рекламу, как вид таргетированной, и соответственно, с точки зрения гражданского права, как предложение делать оферты или оферту, где выбор целевой аудитории осуществляется по контексту страницы поискового запроса или содержания иного сайта.

Несмотря на свое экономическое значение в современном мире и несомненные плюсы в части открытия новых возможностей для лиц, осуществляющих

предпринимательскую деятельность, иных участников гражданского оборота в информационном обществе, таргетированная и контекстная реклама не лишены проблем. Существуют, как объективные, так и субъективные факторы, влияющие на их наличие. К числу проблем, порожденных субъективными факторами, относится нежелание отдельных пользователей социальных сетей получать таргетированную рекламу. Наиболее распространенной проблемой, вызванной объективными факторами являются споры в сфере прав на средства индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий, в случае, когда в контекстной рекламе используется, например, товарный знак конкурента или его фирменное наименование.

До недавнего времени существовала достаточно глобальная проблема, когда пользователям электронной почты «Gmail» могли поступать предложения в виде контекстной рекламы, содержание которой соответствовало содержанию электронной переписки. Данное обстоятельство послужило причиной спора о нарушении тайны электронной корреспонденции путем использования соответствующего программного обеспечения со стороны ООО «Гугл», когда один из пользователей обнаружил, что рекламные слоганы, встроенные в текст письма, соответствуют содержанию переписки, и обратился с иском в суд. Разрешение спора носило длительный характер. Существо спора сводилось к тому, может ли «машинное чтение» нарушать конституционное право на тайну переписки. В политике конфиденциальности продукта Google содержалось положение о том, что его системы автоматически анализируют контент пользователя, в том числе электронные письма, в целях предоставления пользователю полезных функций, в число которых входят релевантные рекламные объявления. С учетом того, что основным видом деятельности ООО «Гугл» выступает рекламная деятельность, в совокупности с другими обстоятельствами дела, судами был сделан вывод, что ООО «Гугл» проводит мониторинг электронных писем, осуществляет размещение рекламных объявлений в частной переписке граждан, на основании результатов мониторинга конкретного пользователя продукта, что является нарушением конституционных прав граждан, поскольку Конституция Российской Федерации гарантирует право на тайну переписки [6].

Представляется, что позиция суда по защите от «машинного чтения» является справедливой, законной и обоснованной. С точки зрения гражданского права автоматический анализ контента пользователя, для которого используются роботы, нейросети, иные машины и их системы — инструменты, следует считать действием поставщика услуг, в рассмотренном случае — электронной почты, поскольку именно он является их собственником, в его интересах и для его целей осуществляется данный анализ. Кроме того, не имеет значения способ, который применяется для получения результатов анализа информации, составляющей охраняемой законом тайну, поскольку, так или иначе, иное лицо осуществляет мониторинг этой информации и ее часть, в том числе и в переработанном виде поступает к поставщику услуг и используется им. С точки зрения Федерального закона от 27.07.2006 N 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» поставщик услуг электронной почты является обладателем информации, следовательно, в соответствии с ч. 4 ст. 6 данного закона он обязан соблюдать права и законные интересы иных лиц, осуществлять защиту информации, и, если это предусмотрено федеральным законом, ограничивать

доступ к информации [4]. В проанализированном споре поставщик услуг допустил нарушения в части исполнения возложенных на него обязанностей.

Таким образом, осуществление обладателем информации доступа роботизированных систем, нейронных сетей к содержанию переписки для ее анализа в целях осуществления таргетинга и показа потенциально интересного предложения делать оферты или публичной оферты, выступает действиями обладателя информации, совершенными в нарушение тайны переписки.

Рассматривая таргетированную рекламу, как гражданско-правовое явление нельзя не сказать о проблеме возможности отказа пользователя от получения такого рода объявлений. Данная проблема актуальна для пользователей социальной сети «ВКонтакте», поскольку некоторые пользователи, как участники гражданского оборота, могут быть не заинтересованы в силу тех или иных обстоятельств получать предложения делать оферты и публичные оферты, индивидуализированные под определенный портрет лица-участника гражданского оборота. Предпосылкой для существования данной проблемы является то обстоятельство, что Правила пользования Сайтом ВКонтакте [14] по своей природе являются публичной офертой, и соответственно, между сторонами впоследствии возникает договор присоединения.

Правовой основой отношений по поводу показа таргетированной рекламы пользователям выступает: ГК РФ [2], Федеральный закон от 27.07.2006 N 152-ФЗ «О персональных данных» (далее — Федеральный закон N 152-ФЗ) [5], Правила пользования Сайтом ВКонтакте [14], Правила защиты информации о пользователях сайта VK.com [13]. Следует отметить, что п. 5.8 Правил пользования сайтом, противоречит ст. 15 Федерального закона N 152-ФЗ, ст. 422 ГК РФ, что ставит под вопрос действительность договора между Пользователем и Администрацией сайта по смыслу ст. 168 ГК РФ, и исходя из системного толкования ст. 428, ст. 450, ст. 452 ГК РФ, условие договора присоединения, изложенное в данном пункте Правил, может быть изменено, в том числе на основании решения суда.

Представляется, что целесообразно решение этой проблемы путем вынесения условия об обработке персональных данных Пользователя для направления ему таргетированной рекламы в отдельный интерактивный блок страницы регистрации нового пользователя, чтобы у Пользователя отображалось «поле флажка» (check-box), в котором он мог бы путем проставления флажка-галочки выразить свое согласие или несогласие на получение таргетированной рекламы. Следует подчеркнуть, что выражение согласия не должно ставить под вопрос возможность регистрации и доступа к сайту «ВКонтакте», поскольку исходя из смысла ст. 15 Федерального закона N 152-ФЗ, ст.ст. 2, 10, 22, 422 ГК РФ, ст. 24, ч. 3 и ч. 4 ст. 29 Конституции РФ [1] нельзя принудить к выражению воли на получение таргетированной рекламы, а согласие на обработку персональных данных может отзываться. Несмотря на то, что договор присоединения, хотя и является исключением из общего принципа свободы договора, тем не менее, по отношению к такому договору ч. 2 ст. 15 Федерального закона N 152-ФЗ, ограничение права на такой отзыв согласия на обработку персональных данных ничтожно.

Таким образом, таргетированная реклама имеет как положительные, так и отрицательные аспекты, но в целом, это полезное явление современности, которое нуждается в совершенствовании правового регулирования: те возможности, которые она

открывает, не могут реализовываться в ущерб конституционным правам, принципам и основам гражданского законодательства. В настоящее время существует объективная тенденция, что сначала возникают новые общественные отношения, происходит модификация уже существующих и устоявшихся, под влиянием специфики сети Интернет, а потом выявляются и устраняются пробелы в правовом регулировании. Необходим поиск баланса между правом граждан на информацию, согласием на обработку персональных данных и применением, показом, таргетированной рекламы. Считаем, что в целях обеспечения реализации положений ст. 15 Федерального закона N 152-ФЗ, необходимо законодательно регламентировать процедуру выражения пользователями согласия на обработку персональных данных в целях таргетинга в сети Интернет и запретить администрации того или иного сайта отказывать в доступе к сайту пользователя по мотивам его отказа от получения таргетированных рекламных объявлений.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Собрание законодательства РФ, 04.08.2014, N 31, ст. 4398.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 05.12.1994, N 32, ст. 3301.
3. Федеральный закон от 13.03.2006 N 38-ФЗ «О рекламе» // Собрание законодательства РФ, 20.03.2006, N 12, ст. 1232.
4. Федеральный закон от 27.07.2006 N 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства РФ, 31.07.2006, N 31 (1 ч.), ст. 3448.
5. Федеральный закон от 27.07.2006 N 152-ФЗ «О персональных данных» // Собрание законодательства РФ, 31.07.2006, N 31 (1 ч.), ст. 3451.
6. Апелляционное определение Московского городского суда от 16 сентября 2015 г. по делу № 33-30344. URL: <https://base.garant.ru/137389921/>
7. Астапова А. С., Штейнберг Д. А., Ананьева Н. В. Эффективность таргетированной рекламы в социальных сетях // Экономика и управление: анализ тенденций и перспектив развития. — 2013. — № 4-1. — С. 92–95.
8. Беспалов Н. М. Организация рекламной деятельности и продвижения продукции предприятий в социальных сетях // Наука без границ. — 2017. — № 5 (10). — С. 27–31.
9. Демина Д. С., Коноплева М. В., Смагина И. В. Инструментарий и стратегии продвижения интернет-маркетинга // Экономическая среда. — 2016. — № 3 (17). — С. 6–10.
10. Ильина Д. В. Интернет-реклама как инструмент для продвижения коммерческой организации // Социально-психологические вызовы современного общества. Проблемы. Перспективы. Пути развития: Материалы III Международной научно-практической конференция. — Брянск: РИО БГУ, 2017. — 349 с. — С. 147–153.
11. Кузьменкова В. Н., Паламарчук Г. И., Красильников А. Б. Экономическая роль, особенности и возможности современной рекламы // Проблемы и пути социально-экономического развития: город, регион, страна, мир: VI междунар. науч.-практ. конф.:

сб. ст. / под общ. ред. В. Н. Скворцова; отв. ред. Н. М. Космачева. — СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2016. — 272 с. — С. 29–34.

12. Лучинкин В. Ю. Сравнение возможностей таргетинговой рекламы в социальных сетях «ВКонтакте» и «Одноклассники» // Наука. Общество. Государство. — 2016. — Т. 4. — № 4 (16). — С. 143–149.

13. Правила защиты информации о пользователях сайта VK.com // URL: <https://vk.com/privacy> (дата обращения: 22.04.2019)

14. Правила пользования Сайтом ВКонтакте. URL: <https://vk.com/terms>

15. Старостин В. С. Трансформация маркетинговых технологий в эпоху машинного интеллекта // Вестник Университета (Государственный университет управления). — 2018. — № 1. — С. 28-34.

16. Третьякова Е. О. Маркетинговое продвижение товара (услуг) в социальных сетях // Вестник Алтайской академии экономики и права. — 2014. — № 3 (35). — С. 59–60.

TARGETED ADVERTISING: CIVIL LEGAL ASPECT

N.A. Ablyatipova, A.A. Kravtsova

Russian State University of Justice (Crimean Branch), Simferopol

Targeted advertising simplifies the search for counterparties, significantly expands the possibilities of electronic civil legal relations, in particular, distance sales and the provision of services on the Internet. The article analyzes targeted advertising as a modern phenomenon in the civil aspect. The features of this concept, types and features are highlighted. The problems of data confidentiality, violation of the confidentiality of correspondence, the possibility of a user refusing to receive an offer are updated the features of targeted advertising are considered on the example of the VKontakte site. Based on the conducted research, suggestions were made for improving the mechanism of targeted advertising in the modern Internet space.

Keywords: *targeted advertising, Internet, information, Internet advertising, offer, information protection, privacy.*

УДК 34.343.1

DOI: 10.24411/2412-1657-2018-10042

ТЕОРИИ, ПРЕДПОСЫЛКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ОТНЕСЕНИЯ ЭЛЕКТРОННОГО ДОКУМЕНТА К ДОКАЗАТЕЛЬСТВАМ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Т. В. Петкевич

В статье рассматриваются актуальные вопросы, связанные с включением электронного документа в систему доказательств уголовного процесса. В статье анализируются научные взгляды ученых относительно причисления электронного документа к «вещественным доказательствам» и «иным документам». Выдвигаются предложения, связанные с использованием электронного документа в качестве вещественного доказательства в уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: *электронный документ, уголовное судопроизводство, предпосылки, доказательство, перспективы, вещественные доказательства.*

В связи с повсеместной компьютеризацией жизнедеятельности российского населения роль электронного документа трудно переоценить, что вызвано его актуальностью. Анализ нормативно-правовых актов, научной литературы, судебной и следственной практики, с одной стороны, подтверждает важность и необходимость внедрения, использования и распространения «электронных документов», а с другой — свидетельствует о недостатках уголовно-процессуального регулирования рассматриваемого вопроса [1]. На основании этого мы можем утверждать, что понятие «электронный документ» трактуется неоднозначно, что вызвано множеством точек зрения относительно его определения. Поэтому считаем необходимым определить единое толкование вышеуказанного понятия, что устранил кривотолки и ошибки в его толковании и применении.

По нашему мнению, решить указанную проблему призван проект федерального закона «Об электронном документе», который, к сожалению, до настоящего времени не утвержден, поскольку его действие направлено на установление правового положение такого вида документов в системе документооборота, а также на описание особенностей использования электронных документов любыми субъектами государства [2]. С нашей точки зрения, это существенный прорыв в нормативном регулировании рассматриваемого вопроса, так как все кривотолки и ошибки, вызванные неправильным применением указанных норм, будут сведены к минимуму. Приведенный аргумент обосновывается еще и тем, что п. «б» ст. 2 проекта федерального закона «Об

Петкевич Татьяна Витальевна — слушатель, Крымский филиал Краснодарского университета МВД России, г. Симферополь

электронном документе» закрепляет единое и конкретное понятие электронному документу, под которым понимается форма подготовки, отправления, получения или хранения информации с помощью электронных технических средств, зафиксированная на электронном материальном носителе [3]. Так, названный проект федерального закона, отразив определение понятия «электронный документ», определит единое для всех понимание указанного термина, что позволит избежать разнообразные толкования в процессе его использования.

Безусловно, электронный документ для делопроизводства играет существенную роль. Его положительные стороны трудно переоценить. Однако, в результате детального исследования данного вопроса, возникает вопрос: «Будет ли электронный документ (электронный протокол) допустимым доказательством по уголовным делам?». Ответ на данный вопрос кроется в самом содержании электронного документа. Несомненно, электронный документ как документ, фиксирующий процессуальную деятельность следователя в техническом формате, будет признаваться допустимым доказательством только в тех случаях, когда он будет составлен в соответствии с требованиями, которые нами были приведены выше.

Понятие «электронный документ» и связанные с ним аспекты нашли свое отражение в Федеральном законе «Об электронной подписи» от 06.04.2011 № 63-ФЗ и, частично, в Федеральном законе № 149-ФЗ от 27.07.2006 года «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [4, 5].

Считаем целесообразным указать перечень требований, предъявляемых к электронному документу, связанные с порядком получения, исследования и фиксации информации. Так, информация должна быть:

- создана посредством технических средств, обрабатываться, передаваться и храниться при помощи них;
- подписана с соблюдением требований, установленных законодательством;
- пригодна для восприятия человеком, не обладающим глубокими познаниями в технических средствах;
- давать возможность достоверно идентифицировать составителя электронного документа.

Учитывая сказанное, электронный документ содержит все признаки и имеет предпосылки для включения его в систему доказательств в уголовном судопроизводстве. В указанном аспекте возникает вопрос: «К какому же виду доказательств может быть отнесен электронный документ: к вещественным доказательствам или к иным документам?». Чтобы дать ответ на вышепоставленный вопрос, необходимо обратиться к содержанию ст. 81 УПК РФ «Вещественные доказательства» и ст. 84 УПК РФ «Иные документы» [6, 7]. Однако приведенные уголовно-процессуальные положения недостаточно полно раскрывают сущность вышеуказанных видов доказательств, что, по нашему мнению, вызывает трудности в их разграничении.

Понятие «вещественных доказательств» не отражено в УПК РФ, поскольку лишь содержит перечень предметов и объектов, относимых к данной категории. По мнению А. Ю. Кожемякина и А. В. Кудрявцева, под вещественным доказательством следует понимать любые объекты и источники сведений, пригодные для восприятия человеком

[8, 9]. Считаем, что перечисленные предметы и объекты в ст. 81 УПК РФ не охватывают всей совокупности предметов, относимых к вещественным доказательствам. Так, электронный документ, по мнению большинства ученых, не может быть причислен ни к предметам, ни к иным документам. Исходя из приведенного термина, очевидно, что электронный документ должен рассматриваться в качестве вещественного доказательства, поскольку он является источником доказательственной информации по различным категориям уголовных дел, содержание которого воспринимается человеком при помощи средств компьютерной техники, что определяет особенность данного вида доказательств. Сказанное подтверждает и содержание ч. 4 ст. 81 УПК РФ. Приведенную точку зрения разделяет и Л. Б. Краснова [10].

Уголовно-процессуальный закон также не определяет и понятие «иные документы». УПК РФ лишь гласит, что «документы могут содержать сведения, зафиксированные как в письменном, так и в ином виде». В связи с этим считаем необходимым закрепить на законодательном уровне расшифровку понятий «в ином виде» и «иные носители информации», что, на наш взгляд, является положительным фактором в формировании единого толкования как указанных понятий, так и понятия электронного документа. Безусловно, законодателем были предприняты попытки устранения указанных пробелов. Так, законодатель исключил термин «носитель компьютерной информации», заменив его недавно введенным термином «электронным носителем информации», что нашло свое отражение в УПК РФ, а именно в части 8 статьи 166 УПК РФ.

Причисление электронного протокола к группе иных документов, по нашему мнению, неверно и необоснованно, поскольку он является источником интересующей и значимой информации, что дает полное право, на основании статьи 83 УПК РФ, относить его к группе протоколов следственных действий и судебных заседаний, не говоря уже о том, что они должны признаваться в качестве таковых [11].

Кроме того, для уголовного судопроизводства интерес представляет не сам предмет, а информация, зафиксированная на носителе. Информация, содержащаяся на электронном носителе, является электронным документом, что подтверждает нашу позицию относительно рассмотрения последнего в качестве вещественного доказательства [11, 12].

Подводя итог изложенному, хотелось бы отметить, что целесообразен пересмотр положений УПК РФ, в частности, считаем, что классификацию уголовно-процессуальных доказательств необходимо расширить путем включения в их перечень электронного документа. Как мы выявили, электронный документ как доказательство должен отвечать признаками, закрепленным в статье 81 УПК РФ, что делает возможным его включение в уже существующий перечень. Это определяется еще и тем, что в связи с развитием компьютерных технологий и широким их использованием по всему миру, рассматриваемый нами вид документов может выступать в самых различных проявлениях, начиная с орудия преступления и заканчивая средством его совершения. Аналогичная ситуация обстоит и с электронными документами, содержащими характеризующий материал, различные справки, запросы и иные документы, поскольку последние отражают процессуальную деятельность следователя и, соответственно, могут быть включены в перечень иных документов. На основании изложенного отметим, что

электронный документ может использоваться в качестве протокола следственных действий, если он соответствует требованиям, установленным УПК РФ. Признание электронного документа таковым будет способствовать не только фиксации доказательственной информации, то есть рассмотрению его в удостоверительном аспекте уголовного судопроизводства, но и способствовать качественному и своевременному расследованию уголовных дел.

Литература

1. Вехов В. Б. Работа с электронными доказательствами в условиях изменившегося уголовно-процессуального законодательства // Российский следователь. — 2013. — № 10. — С. 22–24.
2. О проекте Федерального закона № 159016-4 «Об электронном документе»: постановление ГД ФС РФ от 15.06.2011 № 5472-5 ГД // Собрание законодательства РФ. — 2011. — № 26. — Ст. 3720.
3. Об электронном документе: проект федерального закона № 39828-8 / Институт свободы. Московский либертариум, электрон, дан. — М., 2002 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.libertarium.ru/25162>
4. Об электронной подписи: федеральный закон от 06 апреля 2011 г. № 63-ФЗ (с изм. от 23 июня 2016 г.) // Собрание законодательства РФ. — 2011. — № 15. — Ст. 2036.
5. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (с изм. от 30 июня 2018 г.) // Собрание законодательства РФ. — 2006. — № 31 (ч. 1). — Ст. 3448.
6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (с изм. от 30 июня 2017 г.) // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 52 (ч. 1). — Ст. 4921.
7. Григорьев В. Н., Победкин А. В., Яшин В. Н. Уголовный процесс. — М., 2008.
8. Кожемякин А. Ю. Понятие вещественного доказательства: спорные вопросы теории // Вестник СамГУ. — 2007. — № 5/2 (55). — С. 159–169.
9. Кудрявцева А. В. Вещественные доказательства в уголовном процессе России. — Челябинск, 2006.
10. Краснова Л. Б. Электронные носители информации как вещественные доказательства // Известия Тульского гос. ун-та. Экономические и юридические науки. — 2013. — № 4-2. — С. 254–259.
11. Федотов И. С., Смагин П. Г. Электронные носители информации: «вещественные доказательства» или «иные документы»? // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. — 2014. — № 3 — С. 191–199.
12. Мещеряков В. А., Трухачев В. В. Формирование доказательств на основе электронной цифровой информации // Вестник Воронеж. ин-та МВД России. — 2012. — № 2. — С. 108–110.

**THEORY, BACKGROUND AND PERSPECTIVES THE CLASSIFICATION
OF THE ELECTRONIC DOCUMENT TO EVIDENCE IN CRIMINAL
PROCEEDINGS**

T.V. Petkevich

Crimean branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Simferopol

In article the topical issues connected with inclusion of the electronic document in the system of proofs of criminal proceedings are considered. In article scientific views of scientists concerning reckoning of the electronic document to "material evidences" and "other documents" are analyzed. The proposals connected with use of the electronic document as a material evidence in criminal proceedings are made.

Keywords: *electronic document, criminal proceedings, prerequisites, proof, prospects, material evidences.*

УДК 343.1

DOI: 10.24411/2412-1657-2018-10044

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРАВОВОГО ИНСТИТУТА ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ

Ю. С. Танечник

В статье рассматриваются особенности реализации института присяжных заседателей в таких зарубежных странах, как США, Германия, Франция. Проведен анализ системы суда присяжных в зарубежных странах (англо-саксонской и романо-германской правовой систем).

Ключевые слова: суд, присяжные заседатели, правосудие, англо-саксонская система, англо-американская система, романо-германская правовая система, континентальная система, классическая система, судебная система.

Еще со времен становления государства, гарантом мира и справедливости, инструментом в восстановлении нарушенных прав человека, выступает суд и судья. Необходимость существования института присяжных заседателей обуславливается эффективностью принципа данного суда.

К принципам отправления правосудия можно отнести следующие: свобода внутреннего убеждения, состязательность, независимость, объективность. Правосудие, осуществляемое как от лица профессионального судьи, так и от обычных граждан, являет собой суд присяжных заседателей.

Классическая модель института присяжных заседателей зародилась в Англии, так называемая англо-американская или же, как ее еще называют, англо-саксонская модель суда присяжных. Континентальная система суда, которая присуща романо-германской правовой системе, состоит из коллегии, в которую входит от двух до семи присяжных заседателей, и коллегии, в которую входит от одного до трех профессиональных судей, решающие вопросы не только о виновности либо невиновности подсудимого, но также и вопросы, связанные с мерой назначения наказания и видом наказания (данная модель применяется в Италии, Франции, Германии, Швейцарии) [1]. Классическая модель англо-американской системы была введена на американском континенте, где она с течением времени приобрела дополнительные черты, которые и отличают ее от привычной классической англо-саксонской модели суда [2]. В классическую (англо-американскую) модель суда присяжных заседателей входит профессиональный судья (председательствующий), а также представители народа в количестве двенадцати человек.

В Соединённых штатах Америки (США) особенностью суда присяжных заседателей является то, что каждому штату присущи свои отличительные черты, однако общие функции суда присяжных остаются одинаковыми на всей территории США.

Танечник Юлия Сергеевна — слушатель, Крымский филиал Краснодарского университета МВД России, г. Симферополь

Данное свойство обусловлено тем, что в США действует двойная система судов, которая подразделяется на суды федерации и суды штатов. Наряду с федеральными судами, где действуют единые для всех правила судебного производства, в судах штатов существуют разграничения в комплектовании количественного состава присяжных, а также разграничения на суд Большого и Малого жюри, которое, в свою очередь, формируется из списка кандидатов в присяжные заседатели.

К присяжным заседателям в США предъявляются такие требования, как: наличие гражданства США; проживание не менее одного года на территории юридического округа; владение английским языком, а именно умение говорить на английском языке и понимать данный язык; возрастной ценз — не ниже 18 лет; лицо обязано быть грамотным, дееспособным, психически вменяемым; в отношении лица не должно вестись уголовное преследование и оно не может быть судимым.

Что касается Большого жюри в отдельных штатах США, то их состав устанавливается судом, при котором формируется данное жюри, численный состав которого варьируется от 16 до 23 человек; возрастной ценз данных лиц составляет от 18 до 65 лет, однако главной особенностью можно назвать расовый фактор, в жюри должно входить примерно одинаковое число лиц европеоидной и негроидной расы.

Малое жюри избирается по согласованию стороны защиты и стороны обвинения, из списка кандидатов в присяжные заседатели, численность данного жюри составляет 12 человек. Немаловажной особенностью стоит назвать то, что после проведения судебного заседания, присяжные входящие в состав малого жюри должны принять единогласное решение о виновности либо невиновности лица [3].

Также стоит выделить следующую особенность: численность суда присяжных может варьироваться в зависимости от состава преступления. Так, например, если за данное деяние не предусмотрена смертная казнь, то состав жюри будет состоять из шести человек, по более тяжким составам будет применяться классическая модель суда присяжных, включающая в себя до 12 человек. Следует отметить, что суд с классической системой пользуется не только верховенством права, а создает новые правовые нормы, именуемые как правовой прецедент. Данный источник права, а именно правовой прецедент, характеризуется тем, что по содержанию максимально приближен к фактически сложившейся ситуации, конкретен, так как данный источник права вырабатывается судами, на основе решения конкретных дел, единичных случаях.

В США, а именно 45 штатах, федеральные и государственные суды присяжных требуют единодушное принятие решения по делу, а в остальных судах с присяжными необходимо принимать решение большинством голосов. Из вышеуказанного следует, что на всей территории США формы отправления правосудия различны, что выражается различной численностью присяжных в отдельных штатах США. Так, например, в таком штате, как Флорида, по преступлениям, за которые не предусмотрено наказание в виде смертной казни, состав суда включает в себя председательствующего, то есть профессионального судью, и коллегия присяжных в составе шести человек, однако по преступлениям более тяжелой категории в состав суда входят двенадцать человек присяжных заседателей и профессиональный судья.

Суд присяжных заседателей или суд шеффенов действует в Германии. В его состав входит два гражданина, проживающих на территории участкового суда, в котором рассматривается дело, а также председательствующий.

К модели шеффенского суда присяжных в Германии приравнен суд ассизов во Франции, который также относится к романо-германской правовой системе. В состав суда ассизов входит жюри присяжных и три профессиональных судьи, двое из которых называются ассессорами, они избираются из количества членов апелляционного суда, так же из количества судей трибунала большой инстанции и заместителей председателей, а оставшийся выполняет функции председательствующего. Девять человек входит в состав суда присяжных заседателей, которые являют собой жюри присяжных заседателей, который собирается сессионно, один раз в три месяца, то есть данный суд действует не на постоянной основе. Также особенностью является возрастной ценз лиц, он должен составлять не менее тридцати лет. Состав жюри отбирается специальными комиссиями из департаментских списков с помощью жеребьевки. Решение о виновности либо невиновности лица должно приниматься большинством голосов [6].

К основным обязательствам, нарушение которых влечет за собой уголовную ответственность лица, которое входит в состав жюри присяжных во Франции, следует отнести следующие: лицу запрещается разглашать какие-либо сведения, которые ему стали известны о лицах, входящих в состав жюри, а также сведения о профессиональных судьях; быть объективным при рассмотрении дела; тюремным заключением либо наложением штрафа наказывается лицо, если оно разгласило информацию, которая обсуждалась на закрытом совещании.

К особенности суда ассизов можно отнести то, что профессиональные судьи и присяжные заседатели, входящие в состав жюри, равноправны при назначении наказания, так как при удалении в совещательную комнату для принятия решения по рассматриваемому делу все лица без исключения излагают свое мнение скрытно, то есть письменно на бумаге [8]. Модель судебной системы ассизов, которая действует во Франции, послужила основой континентальной системы суда присяжных с участием обычных граждан, а также основой развития суда присяжных в Казахстане.

Необходимо сделать вывод, о том, что такой институт как присяжные заседатели должен существовать в судебной системе, так как он осуществляет контроль и надзор за обоснованностью, законностью принятия решения, а также осуществляет функции по восстановлению нарушенных прав человека. Деятельность лиц, входящих в состав коллегии присяжных, положительно влияет на всю судебную систему, в частности на объективность отправления правосудия, что позволяет им самим лучше разобраться в своих правах и обязанностях как граждан страны. Суд присяжных является одной из гарантий обеспечения защиты правового государства, а также выступает связующим элементом в отношениях между интересами государства и защитой интересов обвиняемого лица. Также стоит отметить, что невозможно выделить какую-либо конкретную форму института присяжных заседателей, которая была бы наиболее эффективна, так как для каждой правовой системы и для каждого государства характерны свои правовые обычаи, которые сложились с течением времени и учитывают интересы граждан (и национальный состав), проживающих на территории.

Литература

1. Лучинин И. И., Дорошков В. В. Сравнительный анализ института присяжных заседателей в США и России // Государство и право: теория и практика: материалы V Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, январь 2019 г.). — СПб.: Свое издательство, 2019. — С. 26–29.
2. Белозерова И. И., Санеев С. О. Историко-правовой анализ института суда присяжных в англосаксонской правовой семье и России // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. — 2012. — № 3. — С. 185–187.
3. Коломенская С. Состав и численность коллегии присяжных заседателей в США // Российская юстиция. — 2007. — № 9. — С. 68–70.
4. Булеулиев Б. Особенности французского суда присяжных заседателей // Закон и время. — 2008. — Вып.7. — С. 69-73.
5. Сушкова Ю. Н. Европейские исследования: современное состояние, проблемы и перспективы // Мир науки и образования. — 2014. — Т. 18. — № 4 (77). — С. 25–30
6. Яровая М.В. Особенности англо-американской и континентальной моделей суда присяжных и проблемы его реставрации в России // Российская юстиция. — 2006. — № 1. — С. 61–66.
7. Судебные системы западных государств / Отв. ред. В. А. Туманов. — М.: Наука, 1991.
8. Михайлов П. Л. Суд присяжных во Франции: становление, развитие и трансформация. — СПб.: Юридический центр Пресс, 2004.
9. Апарова Т. В. Суды и судебный процесс Великобритании: Англия, Уэльс, Шотландия/ Ин-т международного права и экономики. — М.: Изд-во «Триада, Лтд».
10. Назаретян Г. З. О моделях суда присяжных // Уголовно- процессуальные и криминалистические чтения на Алтае: материалы ежегод. Всерос. науч. — практ. конф., посвящ. 50-летию юрид. фак. и 40-летию Алт. гос. ун-та. Вып. 11-12. — Барнаул, 2012.
11. Петрухин И. Л. Суд присяжных: проблемы и перспективы // Государство и право. — 2001. — Вып.3. — С. 5–15.
12. Андреева Г. М. Социальная психология: Учеб. для вузов. — М., 2006. — С. 180–184.

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE LEGAL INSTITUTE OF THE JUNCTIONAL MEETERS

J. S. Tanechnik

Crimean branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article discusses the features of the implementation of the institute of jurors in foreign countries, such as the United States, Germany, France. The analysis of the jury system in foreign countries (the Anglo-Saxon and the Romano-Germanic legal systems).

Keywords: court, jurors, justice, the Anglo-Saxon system, the Anglo-American system, the Roman-Germanic legal system, the continental system, the classical system, the judicial system.

УДК 34.343.1

DOI: 10.24411/2412-1657-2018-10045

К ВОПРОСУ УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ЗАПРЕТА ОПРЕДЕЛЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

А. А. Ратанов

В статье рассмотрена новая мера пресечения в виде запрета определенных действий, введенная в российское законодательство совсем недавно. На сегодняшний день данная мера пресечения охватывает не все правоотношения. Так, не учли моменты, которые облегчили бы уголовное преследование по уголовному делу во время проведения предварительного расследования. На основании анализа правоприменительной практики, автором даются предложения по расширению перечня запретов определенных действий.

Ключевые слова: уголовный процесс, меры пресечения, запрет определенных действий, домашний арест, залог.

Запрет определенных действий, избираемый по судебному решению на стадии предварительного расследования по уголовному делу, как мера пресечения разрабатывался определенное время и введен в действие был в 2018 году, что является свидетельством незначительной правоприменительной практики [1].

Так, в правоохранительных органах системы МВД, а именно в следственных органах, уполномоченные должностные лица считают нецелесообразным избирать данную меру пресечения, так как она весьма похожа на домашний арест.

Опрос следователей МВД и СК РФ показал, что данная мера пресечения неэффективна, так как максимум, к чему она будет сводиться, — к тому, что суды на свое усмотрение будут избирать запрет определенных действий, вместо меры пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста или залога по ходатайству следователя или дознавателя, что приведет к недопониманию и разногласиям между органом предварительного расследования и судами [2].

Единственное, где запрет определенных действий на данный момент реализовывается, — это в запрете управлением транспортным средством, если лицо привлекалось за дорожно-транспортные преступления [3].

Рассматривая данную меру пресечения, необходимо раскрыть ее содержание, которое заключается в следующем:

- 1) выходить из дома, в котором проживает лицо, в определенное время;
- 2) находиться в определенных местах или ближе какого-то расстояния до конкретных объектов. Тут стоит отметить, что речь именно об объектах, а не о лицах.

Ратанов Александр Александрович — слушатель, Крымский филиал Краснодарского университета МВД России, г. Симферополь

«Я не могу подходить к своей бывшей ближе, чем на 500 метров» не конкретизирует запрет. А вот «Я не могу подходить к дому и месту работы своей бывшей супруги» теоретически может иметь место. Но для этого своей бывшей надо как-то навредить, чтобы это попало под статью УК РФ.

- 3) посещать определенные мероприятия и участвовать в них;
- 4) общаться с определенными людьми;
- 5) отправлять и получать письма и телеграммы;
- 6) использовать телефон и Интернет (кроме вызова полиции, скорой медицинской помощи, аварийно-спасательных служб);
- 7) управлять автомобилем, если преступление связано с нарушением ПДД [4].

Так, предполагается ввести в ст. 105.1 УПК РФ дополнения в виде запрета, выражающегося в изъятии документов, предоставляющих:

- 1) право заниматься предпринимательской деятельностью;
- 2) право на управления транспортным средством и (или) судном;
- 3) право охоты.

Это объясняется тем, что предпринимательской деятельностью лицо, подозреваемое или обвиняемое, может продолжать заниматься, однако этого запрета нет в мерах принуждения, закрепленных в Уголовно-процессуальном кодексе РФ. При этом имеется такая мера принуждения, как отстранение от должности, которая может охватить не все правоотношения в данной сфере. Так, лицо может быть собственником юридического лица и в этот же момент он не является лицом, которое занимает определенную должность в своем же предприятии. Также рассматривается ситуация, когда лицо занимается индивидуальным предпринимательством и «самозанятое» (на данный момент эксперимент, проводимый в нескольких субъектах Российской Федерации), при этом ограничения для них не предусмотрены. А ведь их деятельность не всегда правомерна и может нести в себе незаконные деяния, как правило в форме действий [5].

Запрет на управление транспортным средством включен уже в перечень рассматриваемой меры пресечения, избираемой по судебному решению при рассмотрении ходатайства следователя или дознавателя. Однако никто даже и не рассматривает опыт зарубежных стран, где уже существует определенный порядок по временному ограничению специальным правом, а именно правом на управление судном.

Так, судно является средством передвижения по морскому и речному пространству и также требует документов, удостоверяющих право на управления данным судном. Например, это может быть связано с незаконным выловом рыбы, занесенной в Красную книгу. Как вариант, лицо может покинуть территорию Российской Федерации, когда в отношении него осуществляется уголовное преследование, лицо находится в федеральном розыске или не имеет постоянного места жительства и регистрации, а местом его проживания является данное судно.

Осуществление охоты как деятельности в нашем государстве весьма распространенное занятие и, прежде всего, она предполагает наличие документов на ношение оружия, наличие охотничьего билета и иных разрешающих документов. При возбуждении уголовного дела и привлечения лица в качестве подозреваемого или обвиняемого, в отношении которого будет избираться мера пресечения в виде запрета

определенных действий, предполагается изымать документы и само оружие, дающие право на охоту, оформляя протоколом обыска или выемки данные следственные действия. Постановлением об избрании меры пресечения в виде определенных действий отдельно запретить охотиться и пользоваться оружием, на которое были изъяты документы. В первую очередь, это связано с тем, что охотничье оружие является объектом повышенной опасности и причинение им вреда лицом, находящимся в статусе подозреваемого или обвиняемого, только способствует и является толчком, чтобы совершить противоправные действия, самоуправство и разрешить конфликт.

Анализируя вышесказанное, можно внести предложение о запрете рассматриваемых действий на стадии предварительного расследования и разрешения уголовного дела по существу в суде, а именно: заниматься предпринимательской деятельностью, управлять судном, осуществлять охоту.

В целях осуществления контроля за соблюдением требований, установленных судебным решением, ФСИН РФ имеют право применять и использовать технические средства, определяемые Правительством РФ [6].

При умышленном повреждении или уничтожении этих технических средств, суд по ходатайству следователя, дознавателя вправе изменить меру пресечения на более строгую. Это подтверждается проведенной проверкой уголовно-исполнительной инспекцией, при которой собираются сведения, подтверждающие факт нарушения лицом, в отношении которого избрана мера пресечения в виде запрета определенных действий, условий данной меры пресечения. К материалам проверки приобщаются акты применения технических средств, рапорта и объяснения. Данная проверка утверждается начальником уголовно-исполнительной инспекции и регистрируется в журнале учета заключений по результатам проверок [7].

После возбуждения уголовного дела в отношении подозреваемого или обвиняемого при избрании меры пресечения в виде запрета определенных действий следователем или дознавателем выносится ходатайство перед судом об избрании данной меры пресечения, в котором должны содержаться следующие сведения:

- 1) фабула преступления;
- 2) данные лица, на которого будут возложены запреты (фамилия, имя, отчество, дата рождения);
- 3) дата возбуждения уголовного дела и его номер, когда был задержан и краткий допрос лица в качестве подозреваемого или обвиняемого;
- 4) обоснование целесообразности избрания именно данной меры пресечения, конкретные запреты и причина лишения специального права [8].

Также данная мера пресечения может избираться на основании несогласия суда с принятым решением следователя или дознавателя об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста или залога подозреваемому или обвиняемому. По всей видимости, этот механизм до конца не урегулирован, а судья выносит постановление, в котором он может изменить на свое усмотрение одну меру пресечения на другую (например, с заключения под стражу на запрет определенных действий). Это вынуждает следователя выносить ходатайство об избрании меры пресечения в виде запрета определенных действий, а не более строгую меру пресечения [9].

За 2018 год в Железнодорожном районном суде города Симферополя Республики Крым был единичный случай избрания данной меры пресечения. Летом 2018 года было возбуждено уголовное дело экономической направленности по ч. 7 ст. 159 УК РФ. Суть дела заключалась в том, что собственник ООО приобрел грузовые автомобили марки «Камаз» на данное предприятие. Директор этого ООО обманным путем эти транспортные средства выгнал из гаража предприятия и припарковал на самовольной стоянке, где они и находились до того, как в ходе обыска они были обнаружены и в дальнейшем переданы под сохранную расписку собственнику предприятия, чем причинил собственнику особо крупный ущерб. Подозреваемому изначально была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу сроком на 2 месяца. Так как предварительное расследование в срок окончено не было и срок предварительного следствия был продлен, то предполагалось продлить и меру пресечения. В дальнейшем обвиняемый дал признательные показания и хотел пойти на примирение сторон. После этого защитник обвиняемого подал ходатайство о применении более мягкой меры пресечения в виде запрета определенных действий.

Суд при рассмотрении ходатайства следователя о продлении меры пресечения в виде заключения под стражу, в присутствии прокурора учел вышеуказанное ходатайство защитника и постановил избрать меру пресечения в виде запрета определенных действия в отношении обвиняемого [10].

Таким образом, запрет определенных действий является новой мерой пресечения, избираемой судом по ходатайству следователя или дознавателя и еще не в полной мере отработан с практической стороны. Порядок подготовки к сбору материалов о принятии решения об избрании меры пресечения в виде запрета определенных действий следователем или дознавателем определен в виде ходатайства и сбора процессуальных документов, имеющих значения для избрания данной меры пресечения. Для осуществления уголовного судопроизводства в полном объеме без влияния внешних условий и причин необходимо расширить перечень запретов определенных действий на законодательном уровне.

Литература

1. Лесная Л. И. О новой мере пресечения в виде запрета определённых действий // Молодой ученый. — 2018. — №49. — С. 147–150 [Электронный ресурс]. URL: <https://moluch.ru/archive/235/54448/>
2. Курочкин И. А. Некоторые вопросы применения статьи 105.1 УПК РФ "Запрет определенных действий" [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35289030>
3. Загвоздкин Н. Н., Кузора С. А. Запрет определенных действий. Анализ правоприменительной практики, 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zapret-opredelennyh-deystviy-analiz-pravoprimeritelnoy-praktiki>
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 27.12.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.01.2019)
5. Запретительный приказ [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Запретительный_приказ

6. Николаева М. И. Новая мера пресечения «Запрет определенных действий» в уголовном процессе России // Вестн. Владим. юрид. ин-та. — 2018. — № 2(47). — С. 117–123.

7. Толманов А. Н. Запрет определенных действий, как средство обеспечения установленного порядка уголовного судопроизводства и надлежащего исполнения приговора // Образование и наука в России и за рубежом. — 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gyrmal.ru/statyi/ru/719/>

8. Постановление Правительства РФ от 18 февраля 2013 г. N 134 "О порядке применения аудиовизуальных, электронных и иных технических средств контроля, которые могут использоваться в целях осуществления контроля за нахождением подозреваемого или обвиняемого в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста, а также за соблюдением возложенных судом запретов подозреваемым или обвиняемым, в отношении которого в виде меры пресечения избран запрет определенных действий, домашний арест или залог"(Постановление изменено с 24 ноября 2018 г. — Постановление Правительства России от 15 ноября 2018 г. N 1377).

9. Квык А. В. Запрет определенных действий: что нужно знать о новой мере пресечения. Уголовный процесс Издательство: ООО «Актион кадры и право» (Москва). — 2018. №-7 (163). — С. 34–39. [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35312365>

10. Головинская И.В. О расширении перечня мер пресечения // Территория науки. — № 2. — 2018. — С. 157–162 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-rasshirenii-perechnya-mer-presecheniy>

TO THE QUESTION OF IMPROVEMENT OF THE LEGISLATION OF A PREVENTIVE MEASURE IN THE FORM OF PROHIBITION OF CERTAIN ACTIONS

A.A. Ratanov

Crimean affiliate of Krasnodar University of the Ministry of internal Affairs of Russia,
Simferopol

In article the new measure of restraint in the form of the ban of certain actions entered into the Russian legislation quite recently is considered. Today the given measure of restraint covers not all legal relationship. So, did not consider the moments which would facilitate criminal prosecution on criminal case during conducting preliminary investigation. On the basis of the analysis of law-enforcement practice, the author gives offers on extension of the list of the bans of certain actions.

Keywords: *criminal proceedings, measures of restraint, ban of certain actions, house arrest, pledge.*
